

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Н.М. Александров

**Отхожие промыслы
крестьян Верхнего Поволжья
в конце XIX – начале XX века**

Текст лекций

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета для студентов,
обучающихся по специальности История*

Ярославль 2007

УДК 94(47)(075)
ББК ТЗ(2)5–2я73+ТЗ(2Рос–4Яро)я73
А 46

Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2007 года

Рецензенты:

Полознев Д.Ф., кандидат исторических наук,
директор Ярославской областной универсальной научной библиотеки;
кафедра отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Александров, Н.М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века: текст лекций / Н.М. Александров; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. – 76 с.

Данная работа продолжает освещение темы социально-экономического развития деревни Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX столетия. В представленном тексте анализируется такое явление, как отход крестьян на заработки, получившее широкое распространение не только в губерниях региона, но и в целом по России. Многие из представленного материала еще не было предметом тщательного научного исследования и носит дискуссионный характер. Особое внимание уделяется влиянию отходничества на различные стороны крестьянского хозяйства.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 030401 История (дисциплина «Аграрная история России в конце XIX – начале XX в.», блок ДС), очной формы обучения, специалистов, интересующихся историей России, а также для широкого круга читателей.

УДК 94(47)(075)
ББК ТЗ(2)5–2я73+ТЗ(2Рос–4Яро)я73

© Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова,
2007

© Н.М. Александров, 2007

Введение

История российской деревни была и еще долго будет оставаться одним из главных направлений исторической науки. До индустриализации, проведенной советской властью, в аграрном секторе производилась большая часть национального продукта. Лишь в середине XX в. удельный вес городского населения страны превысил долю сельчан.

В социальной структуре дореволюционной России крестьянство составляло подавляющую часть населения, оказывая огромное влияние на все сферы социально-экономической и общественно-политической жизни страны. Крестьянство являлось основным социальным слоем в России, а крестьянское хозяйство – основой национальной экономики. Модернизация, начавшаяся в стране в 60-х гг. XIX в., повлекла за собой значительные изменения в жизненном укладе сельского труженика. В связи с этим пореформенный период является особым периодом в жизни деревни.

Деревне второй половины XIX – начала XX в. посвящено огромное количество научных работ. В то же время не все стороны сельской жизни исследованы достаточно полно. Одной из проблем, которая еще требует всестороннего изучения, является проблема роли неземледельческих промыслов в крестьянском хозяйстве России. О научной значимости данной проблематики говорит тот факт, что специально ей была посвящена XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшаяся в Туле в 2006 г.*

Крестьянские промыслы являлись важным компонентом экономики пореформенной деревни. Они играли существенную роль

* См.: Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. Тезисы докладов и сообщений. Тула, 19 – 23 сентября 2006 г.

в формировании бюджета крестьянской семьи, смягчали остроту аграрного перенаселения.

В связи с тем, что промысловая деятельность крестьян включала в себя как работу в местах постоянного проживания, так и на стороне промыслы принято делить на местные и отхожие.

Объект данного курса лекций – отхожие промыслы крестьян.

Обращение к истории отходничества в современной экономической ситуации имеет не только научную, но и практическую значимость. Изменения в экономической инфраструктуре, исчезновение старых и появление новых рынков труда заставляет значительную часть населения (в первую очередь жителей сельской местности и малых городов) временно отказываться от сложившейся профессиональной ориентации, объектов приложения своего труда, а в результате и места жительства. Налицо возрождение отходничества в России. В современных условиях проблема отходничества становится одной из сложных социально-экономических проблем, для успешного решения которой необходимо хорошо знать ее исторические корни.

Цель данной работы:

– показать динамику развития отхожих промыслов во второй половине XIX – начале XX в. в трех губерниях Центрального промышленного района России: Владимирской, Костромской и Ярославской, степень вовлеченности крестьянства в этот вид деятельности;

– выявить причины обращения крестьян к отхожим промыслам;

– проследить основные направления трудовой миграции крестьянского населения региона;

– определить главные сферы занятий крестьян-отходников;

– проанализировать влияние отходничества на сельское хозяйство.

Указанными целями определяется структура работы и последовательность анализа материала.

Лекция 1

Уровень развития отхожих промыслов и основные причины крестьянского отхода

Экономическое развитие отдельных районов России имеет свои особенности. Хозяйственная специализация Верхнего Поволжья складывалась на протяжении длительного времени. На этот процесс влияли многие факторы: малоблагоприятные для ведения сельского хозяйства природно-климатические условия, наличие в регионе удобных путей сообщения, близость столиц и т.д.

Отмена крепостного права нанесла сильный удар земледелию Верхнего Поволжья, которое поддерживалось долгое время за счет принудительного прикрепления крестьян к земле. Последовавшее за реформой 1861 г. быстрое развитие промышленности, средств коммуникации и торговли подорвало земледелие в этом регионе за счет усиливавшейся конкуренции сельскохозяйственной продукции из более плодородных регионов, что делало сельское хозяйство нечерноземной зоны мало эффективным. Все это способствовало широкому развитию среди сельского населения неземледельческих промыслов.

О распространенности промысловых занятий среди крестьян Верхнего Поволжья свидетельствуют данные подворных переписей конца XIX – начала XX в., приведенные в табл. 1.

Таблица 1

**Участие крестьян Верхнего Поволжья в промыслах
в конце XIX – начале XX вв.***

Уезды	Число хо- зяйств**	Число хозяйств с промышленни- ками		Числен- ность наसेле- ния**	Из них промыш- ленников	
		абс.	%		абс.	%
Владимирская губерния						
Александров- ский	15024	13537	90,1	89860	31824	35,4
Владимир- ский	24475	22489	91,9	139184	39910	28,7
Вязниковский	13265	11478	86,5	72147	20761	28,8
Гороховецкий	19173	16217	84,6	98966	27388	27,7
Ковровский	18668	17280	92,6	105149	32418	30,8
Меленков- ский	22022	18913	85,9	131112	29303	22,3
Муромский	20428	17481	85,6	116009	27891	24,0
Переяслав- ский	13672	12547	91,8	84142	24369	29,0
Покровский	21874	21033	96,2	124715	51265	41,1
Судогодский	15282	14010	91,7	86529	25141	29,1
Суздальский	18212	16899	92,8	107095	31904	29,8
Шуйский	15544	14395	92,6	80621	30208	37,5
Юрьевский	15628	13823	88,5	95811	26222	27,4
Итого	233767	210102	89,9	1331340	398604	29,9
Костромская губерния						
Буйский	13517	11899	88,0	71398	18754	26,3
Варнавин- ский	24789	21791	87,9	136236	34475	25,3
Ветлужский	21446	17988	83,9	132658	30850	23,3
Галичский	19759	18070	91,5	109087	30890	28,3
Кинешемский		не из- вестно		124782	39925	32,0
Кологривский	19979	17816	89,2	116753	30361	26,0
Костромской	27995	21781	77,8	148705	35300	23,7
Макарьев- ский	26919	25279	93,9	141769	43372	30,6
Нерехтский		не из- вестно		147901	37677	25,5

Солигаличский	11767	10784	91,6	64634	17572	27,2
Чухломской	Сведений нет					
Юрьевецкий	24087	22510	93,5	122226	41341	33,8
Итого по 9,11 уездам	190258	167918	88,3	1316149	360517	27,4
Ярославская губерния						
Мологский	22344	20224	90,5	124579	40139	32,2
Мышкинский	16831	12704	75,5	92072	20596	22,4
Рыбинский	12154	10921	89,9	62943	21632	34,4
Угличский	18166	16131	88,8	96186	28305	29,4
Ярославский	25030	21700	86,9	133262	38661	29,0
Итого по 5 уездам	94629	81680	86,3	509042	149333	29,3

*Источник: Свавицкие Н.А и З.М. Земские подворные переписи 1880 – 1913 гг.

Поуездные итоги. М., 1926. С. 92–95, 98–99, 114–115, 120–121, 268-269.

** Из-за разницы в программах земских переписей данные о населении в одних административных единицах относятся ко всему приписному населению, в других – только к приписному наличному.

Данные таблицы свидетельствуют, что около 9/10 крестьянских дворов во всех губерниях Верхнего Поволжья сочетали занятие сельским хозяйством с различными промыслами. В промыслах было занято около 1/3 всего населения региона. Причем сильно развитая промысловая деятельность была характерна как для района с относительно плодородной почвой (район ополя Владимирской губернии), так и для районов с менее благоприятными для ведения сельского хозяйства природными условиями (северо-западные и северо-восточные уезды Костромской губернии). Все это свидетельствует о том, что занятие промыслами для крестьян Верхнего Поволжья было почти таким же естественным, как и земледелие.

Промысловая деятельность включала в себя работу и в местах постоянного проживания крестьян, и на стороне. В связи с этим промыслы принято делить на местные и отхожие. К местным промыслам, как правило, относилось все кустарное производство. Надо сказать, что такое деление промысловой деятельности крестьян, как и любая классификация, довольно условно. Это отмечали еще исследователи промыслов в XIX в.¹

Так, при определении отхожих промыслов возникал вопрос, что могло выступать в качестве главного критерия отхода. Тут мнения исследователей часто расходились². Следствием путаницы в понятиях «местный и отхожий промысел» было то, что в одних земских подворных переписях отхожими считались только промышленники, работавшие вне своего селения, в других – вне своего уезда, в третьих – не поддерживавшие во время работы связь со своим хозяйством и т.д.³

Отсутствие единства в терминологии затрудняло определение точной численности крестьян, занятых в тех или иных видах промыслов, и часто приводило и приводит к расхождениям в данных исследователей, занимавшихся и занимающихся проблемой крестьянских промыслов⁴.

В монографии Е.Я. Водарского и Э.Г. Истоминой сообщается, что на рубеже XIX – XX столетий во Владимирской губернии насчитывалось кустарей и ремесленников 88 330 человек, в Костромской – 60 532 человека, в Ярославской – 16 800 человек. В этой работе указана и доля сельских промышленников в общей численности сельского населения губерний Верхнего Поволжья в начале XX в. Во Владимирской губернии она составляла 6%, в

¹ См.: Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности России. Вып. IX. СПб., 1883. С. 191.

² Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 264.

³ Свавицкие Н.А. и З.М. Земские подворные переписи 1880 – 1913 гг. Поездные итоги. М., 1926. С. 22.

⁴ Архипова Л. М. Мелкая крестьянская промышленность центрально-нечерноземного района России в начале XX века. М., 1995. С. 139; Серова Е.В. Крестьянские неземледельческие промыслы Верхнего Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 1999. С. 19.

Костромской – 4%, в Ярославской – 1%⁵. Данные о численности сельских промышленников свидетельствуют, что к началу XX в. местные кустарные промыслы продолжали играть существенную роль только во Владимирской и Костромской губерниях. В Ярославской губернии в этот период в них была занята очень незначительная часть крестьянского населения.

Наиболее полными сведениями об отходе, в особенности, если проследивать это явление в динамике, служат данные о выборке паспортов. Паспортная статистика не просто указывает количество выданных документов в тот или иной год, что позволяет проследить развитие отхожих промыслов в динамике, но и содержит массу других ценных сведений. Как правило, часто не имея иной возможности учитывать отхожее население села, исследователи ставят знак равенства между отходником и крестьянином, взявшим паспорт (на практике факт взятия паспорта сделался обязательным показателем при отнесении крестьянина к категории отходников). Хотя получение крестьянином вида на жительство не являлось необходимым компонентом отхожих промыслов, это вполне объяснимо. Для работы рядом с родной деревней крестьянину редко был нужен специальный документ. Учесть же отходников без паспортов довольно сложно, да и их численность не была очень значительной⁶. В табл. 2 приведены сведения о количестве документов, дававших право на уход с постоянного места жительства в регионе в 1861 – 1910 гг.

Данные таблицы свидетельствуют, что в пореформенный период отход во Владимирской и Костромской губерниях увеличился более чем в семь раз, в Ярославской – почти в три с половиной раза. Разница в темпах увеличения числа отходников между губерниями региона объясняется тем, что в Ярославской губернии отхожие промыслы получили широкое распростране-

⁵ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX – XX столетий. М., 2004. С. 60–61, 66–67, 76.

⁶ См.: Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 118; Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Владимир, 1902. С. 14. Примечание.

ние раньше, чем во Владимирской и Костромской. Последние в этом отношении как бы “догоняли” Ярославскую губернию.

Таблица 2

**Число выбранных кратковременных билетов и паспортов
на срок не более 1 года в 1861 – 1910 гг.
в губерниях Верхнего Поволжья
(в тыс. штук в среднем за год)***

Губерния \ Годы	1861 – 1870 гг.	1871 – 1880 гг.	1881 – 1890 гг.	1891 – 1900 гг.	1906 – 1910 гг.
Владимирская	54,9	200,3	231,2	294,7	388,7
Костромская	39,7	138,4	171,8	183,5	282,1
Ярославская	71,9	142,4	149,7	188,7	238,8

*Источник: Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 117–118.

Интересно отметить, что везде темпы роста крестьян-отходников намного превышали рост населения. Это приводило к тому, что в пореформенный период быстро увеличивались и относительные показатели количества выбранных паспортов на душу населения. Процесс роста доли отходников среди населения региона отражен в табл. 3.

Таблица 3

**Число выданных кратковременных билетов и паспортов
на срок не более 1 года на 1 000 чел. сельского населения
в губерниях Верхнего Поволжья в 1861 – 1910 гг.***

Губерния \ Годы	1861 – 1870 гг.	1871 – 1880 гг.	1880 – 1890 гг.	1890 – 1900 гг.	1906 – 1910 гг.
Владимир- ская	48	160	167	191	242
Костромская	39	123	138	131	200
Ярославская	91	170	164	189	231

*Источник: Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 122–123.

Сведения таблицы 3, с одной стороны, подтверждают выводы, сделанные на основании абсолютных данных, с другой – дополняют их. Мы видим, что если в начале пореформенного периода крестьяне, занимавшиеся отхожим промыслом, составляли от 4 – 5% среди всего сельского населения Костромской и Владимирской губерний, до 9% – в Ярославской, то в начале XX сто-

летия в отход уходило более 20% населения Владимирской и Ярославской губерний и каждый пятый житель Костромской. Высокие темпы развития отхожих промыслов во Владимирской и Костромской губерниях позволили в конце XIX века первой обойти Ярославскую губернию по удельному весу отходников на душу сельского населения, а второй – значительно сократить разрыв по этому показателю. Следует отметить, что Ярославская губерния по размерам отхода в начале пореформенного периода в Центрально-промышленном районе уступала лишь Московской губернии. К концу века впереди ее были уже три губернии – Московская, Калужская и Владимирская. Перераспределение губерний Центрально-промышленного района по такому показателю, как распространенность отхода, на наш взгляд, во многом было связано с неодинаковым развитием фабрично-заводской промышленности в разных местностях и с возможностями предприятий принять рабочие руки из деревни.

Быстро развивавшийся в пореформенной России процесс отхода сельского населения на заработки не мог не остаться незамеченным и привлекал внимание как провинциальных чиновников и служащих земств, так и правительства. Вот как описывали сложившуюся в начале XX в. в Костромской губернии ситуацию сотрудники местного земства, изучавшие промыслы сельского населения: *«Уход на сторонние заработки, бегство из деревни представляет одно из характернейших явлений в экономической жизни Костромского края. Красной нитью прошедшая через все минувшее столетие тяга в города за последнее время не только не ослабевает, но наоборот, усиливается. Каждая новая анкета о положении крестьянских промыслов неизменно устанавливает факт непрерывного возрастания отхода в самых различных углах губернии. В этом смысле каждая новая почта, каждый новый ворох сообщений с мест дает только вариации одного и того же основного мотива»*⁷.

В 1902 г. для изучения крестьянского вопроса было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С.Ю. Витте. Среди проблем, обсуж-

⁷ Статистический ежегодник Костромской губернии. 1911 год. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы. Часть. I. Текст. Кострома, С. 74.

давшихся на Советании, было отношение правительства к отхожим промыслам⁸. Одним из основных вопросов, интересовавших всех исследователей крестьянских отхожих промыслов, был вопрос о причинах, способствовавших развитию этого явления. Главной причиной, как правило, называлось малоземелье крестьян. Так, ярославские чиновники видели основную причину широкого распространения отхожих промыслов в губернии «в недостаточности сельского хозяйства для покрытия жизненных потребностей населения и уплаты податей, благодаря малому количеству наделной земли, ее недоброкачественности и истощенности»⁹.

На взаимосвязь величины надела и развития промыслов (как отхожих, так и местных) указывают данные и по Владимирской губернии (см. табл. 4).

Таблица 4

***Вовлеченность разных групп крестьянских хозяйств
Владимирской губернии в промысловую деятельность
в конце XIX в.****

Уезды	На 100 работников занимаются только промыслами (%):	
	Во дворах, имеющих до 5 дес. надела	Во дворах, имеющих более 5 дес. надела
Владимирский	70,4	56,1
Вязниковский	76,4	24,9
Муромский	71,2	40,1
Судогодский	69,4	26,8
Суздальский	84,9	44,7

* Источник: Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 27.

Из материалов таблицы следует, что в обеих группах хозяйств значительная часть работников не была задействована непосредственно в сельском хозяйстве. Причем в хозяйствах, владевших малыми наделами, доля лиц, не занятых в сельских работах, была существенно больше, чем в многоземельных дворах.

⁸ См.: Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 113–114.

⁹ Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 485. Д. 557. Л. 1–1 об.

В то же время лица, хорошо знавшие деревню Верхнего Поволжья, указывали, что немаловажной причиной низкой доходности крестьянских хозяйств являлась не только малая площадь крестьянских наделов, но и примитивная культура земледелия. Невысокие урожаи в крестьянских хозяйствах получались, по мнению современников, «от неумелой обработки почвы и отсутствия достаточного удобрения»¹⁰. В связи с этим частые «недороды» хлеба заставляли крестьян искать заработок на стороне. Была замечена взаимосвязь между урожайностью в отдельные годы и распространением отхода. Так, хороший урожай 1892 г. в Пошехонском и Любимском уездах привел к сокращению числа отходников из этих мест¹¹.

По мнению земского начальника из Ростовского уезда Ошанина, «отхожими промыслами деревня живет, одевается, учится и оплачивается». В подтверждение своего мнения Ошанин привел следующий расчет. «В среднем на трех едоков приходится 1 душа, т.е. $3 \frac{1}{2}$ десятины земли. Из них: 1 десятина под усадьбой и покосом, 1 десятина под пастбищем, $1 \frac{1}{2}$ десятины под пашней. Из двух десятин усадьбы, покоса и пастбища мужик получает $\frac{1}{2}$ необходимого корма для 1 лошади и 1 коровы, от которых получает недостаточное количество навоза и молока столько, что хватает только «подбелить щипы». Из $1 \frac{1}{2}$ десятины пашни $\frac{1}{2}$ десятины под паром – без дохода, $\frac{1}{2}$ десятины под озимым дает от 4 до 6 четвертей ржи, $\frac{1}{2}$ под яровым дает половинное количество по цене сравнительно с рожью. Итого валовой доход от души – 6 четвертей ржи + 3 четверти = 9 четвертям ржи, например, для 1892 года по 8 рублей за четверть получится валовой доход с одной души на трех едоков всего 72 рубля. Из этого количества вычесть 12 рублей всех повинностей, остается на трех человек в год 60 рублей, и в том числе семена на будущий год в количестве на 12 рублей, следовательно, для прожития на троих остается 48 рублей, т.е. по 16 рублей на каждого в год. Из этого нужно одеться, построиться, прокормиться и удовлетворить всем прочим потребностям. Уход человека составляет не только «один рот с хлебом долой», но он еще зарабатывает хоть сколько-нибудь.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 485. Д. 557. Л. 1 об.

¹¹ ГАЯО. Ф. 485. Д. 557. Л. 5.

Семья считается обеспеченной, если есть кому идти на сторону»¹². О низкой доходности сельского хозяйства в регионе говорят и данные по Костромской губернии (см. табл. 5).

Таблица 5

Общая стоимость валовой продукции одного крестьянского хозяйства Костромской губернии в среднем за 1910 – 1914 гг.*

Уезд	Валовая стоимость продукции одного хозяйства (в руб.)
Буйский	138,92
Галичский	130,28
Кологривский	126,87
Костромской	165,95
Нерехтский	177,69
Солигаличский	114,40
Чухломской	123,23
В среднем по 7 уездам	141,73

* Источник: Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома, 1927. С. 15.

При сравнении данных по Ярославской и Костромской губерниям надо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, крестьянский двор в среднем имел около 2,3 наделов земли, следовательно, средний валовой доход с одного душевого надела в Костромской губернии был равен приблизительно 60 рублям. Во-вторых, за два десятилетия в стране произошел рост цен, в том числе и на сельскохозяйственную продукцию, что нашло отражение в номинальном увеличении валового дохода крестьянского хозяйства, но не в реальной его доходности. С учетом этих уточнений, выходит, что и в начале XX в. доходность большинства крестьянских хозяйств в регионе оставалась крайне низкой.

Более высокий валовой доход в крестьянских хозяйствах Нерехтского и Костромского уездов по сравнению с хозяйствами в других местностях Костромской губернии объясняется выращиванием здесь такой трудоемкой и дорогой культуры, как лен. Распространение в конце XIX – начале XX вв. посевов льна на

¹² ГАЯО. Ф. 485. Д. 557. Л. 2-2об.

крестьянских полях, с одной стороны, благоприятно сказывалось на крестьянском бюджете, с другой – сильно истощало землю из-за недостаточного удобрения пашни.

Если в таких уездах, как Ростовский с его относительно плодородной землей и «более высокой сельскохозяйственной культурой»¹³, главная проблема для крестьян была в нехватке земли, то в ряде мест региона основной причиной, заставлявшей крестьянина уходить от земли, была не столько ее нехватка, сколько ее низкое качество. Так, несмотря на то, что у бывших помещичьих крестьян Пошехонского уезда средний душевой надел был самым большим в Ярославской губернии и составлял 5,3 десятины земли, при среднем душевом наделе в губернии 3,8 дес.¹⁴, в ряде мест этого уезда уже к 90-м гг. XIX в. в отходе было занято свыше $\frac{1}{4}$ населения¹⁵. Объяснение этому явлению содержится в донесении пошехонского уездного исправника за 1888 г.: в большей части «Ериловской волости... известной под названием «Монастырщины», а равно и во многих других деревнях, хотя и зиждется все крестьянское благосостояние на земледелии и земледелие считается главным занятием крестьян, но в то же время земля здесь сравнительно, по своим почвенным и другим невыгодным условиям, в какое поставлено землевладение, считается малоценною и в целом ряде селений служит бременем, тяжестью народа, ибо переполняет потребность его в ней, от чего само собою значительная доля земли не обрабатывается и лежит пустырем, а если и обрабатывается, то в ущерб самой земле и ее владельцу, почему заметно стремление многих при удобном случае сложить ее с себя. При таком положении земля год от года истощается; и без того дешевая, она еще более обесценивается и не окупает себя, а в иную пору не окупает трудов, следовательно, владельцу придется отыскивать новые статьи дохода на доплату податей»¹⁶.

Картина состояния сельского хозяйства, нарисованная пошехонским исправником, ярко показывает, какую ценность пред-

¹³ ГАЯО. Ф. 485. Д. 557. Л. 5.

¹⁴ Статистика поземельной собственности населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881. С. 80–112.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 557. Л. 3 об.

¹⁶ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 557. Л. 3 об. – 4.

ставляла земля, и какой доход давало земледелие в ряде мест Верхнего Поволжья.

Касаясь состояния агрокультуры, следует отметить, что она была в большинстве крестьянских хозяйств весьма примитивной. Так, Чухломской уездный исправник, характеризуя положение дел на подведомственной территории, в 1882 г. писал: «Улучшения ... в хозяйствах не только не замечается, но и в будущем ожидать того нельзя, потому что культура земли в уезде представляется самой непризнательной; и от этого все крестьянское мужское население уезда, способное для работы, с давнего времени занимается отхожими промыслами»¹⁷. При господстве трехполья на крестьянских наделах в ряде уездов на севере и востоке региона в конце XIX – начале XX вв. еще применялась подсечная система земледелия.

В дополнение к вышеназванным обстоятельствам, способствовавшим развитию отхожих промыслов, местные чиновники называли и другие факторы. Так, Сабанеев, земский начальник из Ярославского уезда считал, что «условия сельского хозяйства нашей полосы требуют очень большого количества ценного инвентаря и хозяйственных построек в сравнении с обработанным количеством земли, вследствие этого очень велико количество лиц, не имеющих даже возможности приложить свой труд к земле, по неимению необходимого инвентаря»¹⁸.

В конце XIX столетия во многих крестьянских семьях региона на заработок отходника стали смотреть как на основной источник средств существования. Так в «Обзоре» Владимирской губернии за 1898 г. приводится мнение одного из корреспондентов губернского земства на роль отхожих промыслов для местных крестьян. Корреспондент считал, что «если бы не летние заработки, то большинство стало бы жить Христовым именем ... И большинству желательно, что бы хоть какая была бы по близости фабрика, а то нечего делать и нечем добыть копейки»¹⁹. В силу

¹⁷ Цит. по: Костромская старина. 1994. № 6. С. 36–37.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 557. Л. 2 об.

¹⁹ Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 28.

указанных причин в регионе сложилась ситуация, которую составители Обзора Владимирской губернии за 1900 г. выразили следующим образом: "Отход увеличивается... по словам крестьян, они только и живут отхожими промыслами. Увеличивается он, во-первых, по случаю увеличения каждогодно вообще крестьянских расходов на дому, а во-вторых, по случаю с каждым годом уменьшающегося дохода от земли и хозяйства. Что мне с землею ломаться, рассуждает крестьянин, когда оплатится ли мой труд при нынешних недородах, а здесь добыча верная и довольно порядочная"²⁰. Впрочем, эти слова можно было отнести ко многим губерниям нечерноземной полосы в центре страны. "При существующей примитивной системе земледелия, – отмечалось, например, в "Статистическом ежегоднике Московской губернии за 1902 год", – не только в Московской, но и в других губерниях Центрально-промышленного района население получает минимальные урожаи хлебов, доставляющие ему средства существования большей частью в течение нескольких месяцев в году, вследствие чего масса крестьянского населения вынуждена бывает восполнить свои хозяйственные дефициты путем внеземледельческих заработков, как местных, так и отхожих"²¹.

Итак, главной проблемой крестьянских хозяйств на значительной территории Верхнего Поволжья были не столько малые площади крестьянских наделов, сколько плохое качество почв, низкая культура земледелия. Особенно ярко это проявлялось в северной части Ярославской губернии, а также на севере и востоке Костромской губернии, где была невысокая плотность населения, и крестьяне после реформы 1861 г. получили относительно большие наделы. Однако сельское хозяйство в этих районах велось примитивно, по старинке. Отсюда следовала его малая доходность.

Низкое качество почв на значительной части территории Верхнего Поволжья было проблемой не только для крестьян, но и для властей. В связи с этим фактом Костромское губернское земство при определении доходности земли, от которой зависел раз-

²⁰ Обзор Владимирской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1900 год. Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 343.

²¹ Статистический ежегодник Московской губернии за 1902 год. М., 1903. С. 1. (223).

мер устанавливаемого земством налога на имущество, признало, «что в уездах встречаются такие районы, где земля по справедливости должна быть освобождена от налога»²².

Итак, невозможность обеспечить нормальные условия жизни только за счет сельского хозяйства была главной причиной обращения крестьян к неземледельческим промыслам. Причем, при равных условиях крестьянин выбирал кустарные, а не отхожие промыслы. Только при отсутствии условий для развития местной кустарной промышленности сельский житель обращался к отходу, т.е. развитие кустарничества должно быть обратно пропорционально развитию отходничества. В доказательство этого приводим данные из служебной записки ярославского чиновника, где все уезды Ярославской губернии сгруппированы сначала по «нисходящему порядку» по степени развития кустарных промыслов, а затем «по восходящему порядку» по уровню развития отхожих промыслов.

В результате такой группировки уезды расположились следующим образом²³.

По уровню развития кустарных промыслов	По уровню развития отхожих промыслов
1. Ярославский	1. Пошехонский (8,6%)*
2. Р.-Борисоглебский	2. Ростовский (12%)
3. Ростовский	3. Ярославский (12,8%)
4. Мологский	4. Мологский (13%)
5. Мышкинский	5. Мышкинский (13,6)
6. Пошехонский	6. Любимский (13,7%)
7. Даниловский	7. Даниловский (15,2%)
8. Угличский	8. Р.-Борисоглебский(15,9%)
9. Рыбинский	9. Угличский (17,6%)
10. Любимский	10. Рыбинский (19,6%)

* % наличного населения уезда, занятого в отхожих промыслах в начале 90-х гг. XIX в. (Н.А.)

²² Зузин Б. Земство и его задачи // Ежегодник Костромского губернского земства. 1910 год. Кострома. 1910. С. 16.

²³ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 557. Л. 4 об.

Данные вышеприведенных группировок в основном доказывают обратно пропорциональную зависимость между развитием кустарных и отхожих промыслов в уездах. Исключение составили три уезда: Р.-Борисоглебский, Пошехонский и Любимский.

Р.-Борисоглебский уезд оказался на одном из первых мест в губернии как по степени распространения кустарного производства, так и по уровню развития отходничества. Это свидетельствует о том, что значительная часть сельского населения уезда связывала свое благосостояние с неземледельческой деятельностью в той или иной форме.

В Пошехонском и Любимском уездах, наоборот, неземледельческие занятия крестьян не получили сильного распространения. Слабое развитие кустарных промыслов сочеталось здесь с незначительным отходом крестьян на заработки. На наш взгляд, отчасти это объясняется тем, что крестьяне данных уездов оказались лучше обеспечены землей, чем в других частях губернии. Заметим, что территориально уезды с наиболее выраженной той или иной формой неземледельческих занятий крестьян находились рядом. Так, местности с наиболее развитым отходом крестьян представляли из себя своеобразную полосу, пересекавшую Ярославскую губернию с юго-запада на северо-восток и делившую ее на две части (картограмма распространения кустарных промыслов и диаграмма соотношения кустарных и отхожих промыслов в Ярославской губернии приведены в Приложении).

П.Г. Рындзюнский, основываясь на данных «Кустарной комиссии», выявил соотношение местных и отхожих промыслов среди крестьян Костромской губернии в начале 80-х гг. XIX в. Местными промыслами было занято 83 316 человек (40,7%), отхожими – 124 528 (59,3%). Однако за средним показателем по губернии скрывалась довольно пестрая картина. Это видно из представленной табл. 6.

Таблица 6

**Соотношение местных промышленников и отходников
в Костромской губернии в начале 80-х гг. XIX в. (в %)***

Уезд	Уходящие на сторону	Местные	Уезд	Уходящие на сторону	Местные
Чухломской	94,8	5,2	Макарьевский	60,9	39,1
Галичский	90,4	9,6	Ветлужский	56,9	43,1
Солигаличский	89,0	11,0	Варнавинский	48,8	51,2
Буйский	84,9	15,1	Костромской	46,9	53,1
Кологривский	69,5	30,5	Нерехтский	40,9	59,1
Юрьевецкий	62,6	37,4	Кинешемский	35,6	64,4

* Источник: Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность пореформенной России (60 – 80-е годы XIX в.). М., 1966. С. 251.

Виды неземледельческих заработков крестьян зависели от многих факторов: географического положения местности, характера сельского хозяйства, населенности, состояния путей сообщения, наличия рынков сбыта и т.д. Костромская губерния в этом отношении была далеко не однородна. Юго-западная часть губернии ближе других находилась к промышленным центрам страны. Она имела относительно хорошие пути сообщения, большую плотность населения. Это способствовало развитию здесь местных кустарных промыслов. На севере губернии условия во многом отличались от юго-запада. Здесь было более редкое население. Вблизи не было крупных городов и торговых центров. Пути сообщения были развиты слабо. Возможность сбыта продукции сельских мастеров в этих условиях была сильно ограничена, что отрицательно сказывалось на развитии местных промыслов. С другой стороны, северная, а еще более, северо-восточная часть губернии характеризовалась высокой лесистостью, что способствовало разработке и сплаву лесоматериалов, а также обработке дерева. В наиболее лесистом Кологривском уез-

де лесные промыслы занимали особенно большое место. Этому способствовало не только наличие хорошего леса, но и удобных рек для сплава. В северо-западной части губернии возможности занятия лесным промыслом были хуже, меньше было хорошего леса, в особенности у сплавных рек. В этом районе получили особое распространение отхожие промыслы. По этой причине он получил название «района отхожих промыслов».

В Костромской губернии четко проявляется зависимость отхожих промыслов от общего экономического уровня местности. Наибольшее число отходников давали уезды, менее развитые в экономическом отношении с меньшим числом фабрик и заводов. В юго-западных уездах с развитой промышленностью крестьянину легче было найти работу на расположенном рядом с деревней предприятии. «Впрочем, – как отмечал П.Г. Рындзюнский, – и в промышленных уездах фабричная работа, по крайней мере частично, базировалась на труде отходников. Отходники – рабочие на фабриках и заводах – отмечены лишь в половине уездов Костромской губернии, причем значительную прослойку они составляли только в трех уездах: Кинешемском (52,3% общего числа отходников), Нерехтском (45%), Юрьевецком (42%)».²⁴ Слабое развитие крупного производства в остальных уездах Костромской губернии значительно сужало возможности крестьян по поиску работы рядом с местом постоянного проживания.

Сведения о соотношении местных и отхожих промышленников по семи уездам из тринадцати Владимирской губернии приведены в табл. 7.

Из данных таблицы видно, что соотношение лиц, занятых в местных и отхожих промыслах в различных частях губернии, сильно отличалось. Так, если во Владимирском уезде отхожими промыслами было занято в шесть раз больше крестьян, чем местными, в Судогодском отходники превосходили занятых в местных промыслах только в полтора раза.

²⁴ Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность пореформенной России (60 – 80-е годы XIX в.). М., 1966. С. 252.

**Соотношение местных и отхожих промышленников
среди мужчин рабочего возраста во Владимирской губернии
в конце 90-х гг. XIX в. ***

Уезды	Из 100 работников, занимающихся промыслами **		
	Только местными	Местными и отхожими	Только отхожими
Владимирский	14,2	1,9	83,9
Вязниковский	39,3	1,1	59,6
Гороховецкий	20,4	2,0	77,6
Меленковский	34,3	5,3	60,4
Муромский	36,4	3,4	60,2
Судогодский	40,1	2,0	57,9
Суздальский	31,2	4,4	64,4

* Источник: Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии. (Краткий историко-статистический очерк). Владимир на Клязьме, 1903. С. 25.

** В расчет приняты только дворы с земельными наделами.

Интересны сведения по численности крестьян, сочетавших оба вида промысла. Имеющиеся данные свидетельствуют, что такое сочетание промысловой деятельности было достаточно редким явлением. Как правило, крестьянин осваивал одну из специальностей, не связанных с сельским хозяйством. Работа по ней была возможна в пределах постоянного места жительства или требовала ухода из села. Занятие кустарным производством на месте и отхожий промысел были возможны в том случае, когда сезон промыслов не совпадал, и крестьянин после окончания сезона в основном промысле работал по другой специальности. Так, часть каменщиков Владимирской губернии, у которых вся зима была свободная, занималась изготовлением рогожных кулков²⁵.

В различных местностях была своя специализация, в результате которой на селе часто складывалась ситуация, описанная сельским священником одного из районов строительного отхода в Петербург – Идской волости Чухломского уезда Костромской

²⁵ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир-на-Клязьме, 1902. С. 22.

губернии: «Промыслов местных никаких: плотники, печники, вальщики сапог – все пришлые, из Вологодской губ. Горшки, чашки, решета, бороны и сохи, колеса и телеги – все не местного производства, все покупаем на соседних базарах. Глухое, удаленное от городов (60 верст от Чухломы, 55 в. от Солигалича) местечко «Идская волость» живет в полугородском положении: все покупаем – хлеб, овощи (за капустой ездит в Чухлому 9/10 населения) и все хозяйственные принадлежности; но сами ничего не производим и не продаем и потому достаточно бедствуем»²⁶.

Значительная часть местных промышленников были сельские кустари. В пореформенный период сельская кустарная промышленность, не выдерживая конкуренции с фабрикой, быстро сокращалась. Часть местных промышленников вынуждена была обращаться к отходу. Происходила эволюция кустарных селений. Некоторые из них становились центрами отхода на ближайшие фабрики. Это было особенно характерно для Владимирской губернии с ее развитой текстильной промышленностью²⁷. Данное явление во многом объясняет высокие темпы развития отхода среди владимирских крестьян.

К концу XIX в. многие из сельских промыслов, традиционно развитых во Владимирской губернии, сокращались или вовсе прекращали свое существование. Корреспонденты губернского земства постоянно указывали на понижение заработка в местных промыслах, следствием чего было сокращение числа лиц, занятых ими. Случаи подъема кустарной промышленности были крайне редки и обуславливались по преимуществу временным ослаблением спроса на рабочие руки на фабрики и заводы, связанным с застоєм в той или иной отрасли фабричной промышленности.

Так, в 1898 г. корреспонденты Владимирского губернского земства сообщали: «В последние 5 лет замечается с каждым годом сильнее уход от местных заработков на фабрики, благодаря трудности и малой задельной плате от местных промыслов»²⁸. Похожую картину вытеснения сельских кустарных промыслов фабрикой рисовали и земские корреспонденты из фабричных

²⁶ Статистический ежегодник Костромской губернии... С. 78.

²⁷ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 184.

²⁸ Александров Л.Я. Указ. соч. С. 28.

уездов Костромской губернии. Так, в начале XX в. из Нерехтского уезда сообщалось, что в Яковлевской волости «раньше было ручное ткачество салфеточного полотна, теперь оно упало потому, что увеличивается фабричный труд». В Горковской волости соседнего Кинешемского уезда, по словам автора сообщения, точно также «с каждым годом уменьшается производство салфеток; отбивают местные фабрики, выделяющиеся в настоящее время вчетверо больше салфеток, чем кустари»²⁹. В местностях, находившихся рядом с фабрикой, последняя не только вытесняла с рынка сельских кустарей, вырабатывающих аналогичную продукцию, но и подавляла другие виды местных промыслов. Так, из указанных фабричных уездов Костромской губернии сообщалось, что в тех местностях, где народ, по удачному выражению одного из корреспондентов, «прилучен к фабрикам», крестьяне бросают ремесла и промыслы и уходят на фабрику. В доказательство этого приводились следующие сообщения: численность «плотников и сапожников убывает, а фабричных все прибывает» (Оделевская волость Нерехтский уезд). Из этой же волости сообщали о подорожании труда плотников по причине того, что «молодой народ не идет в плотники, а все на фабрику». В Зименовской волости Кинешемского уезда «плотничество упало и заменяется преимущественно фабричным промыслом, наблюдается усиленный отход молодых людей на фабрики». В этой же волости из-за отхода на фабрики уменьшился отход в волгари³⁰.

В тех местностях, где кустарный промысел находился в упадке, а рядом не было крупных предприятий, сельские жители вынуждены были овладевать новыми специальностями и идти в дальний отход. Так, в начале XX в. в Макарьевском уезде многие из кустарей, ранее занимавшихся производством рогож у себя в деревнях, стали изготавливать валенную обувь в Воронежской, Симбирской, Саратовской и Самарской губерниях³¹.

В пореформенный период с ростом благосостояния крестьян изменялись и крестьянские запросы, что также отражалось на положение кустарной промышленности. Так, в Богословской волос-

²⁹ Статистический ежегодник Костромской губернии... С. 77.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 79.

ти Костромского уезда в начале XX в. происходило сокращение горшечного промысла «вследствие распространения среди населения эмалированной посуды»³². Из-за снижения спроса на продукцию ярославских кузнецов крестьянская молодежь в районах обработки металла не захотела продолжать дело отцов и, соблазненная более «легкими» деньгами, потянулась в Петербург³³.

Следует отметить, что уход на работы в далекие от родного села места не всегда гарантировал крестьянину высокий заработок. Величина заработка отходника зависела как от профессиональных качеств работника, так и объективных причин. В пореформенный период состояние отхожего промысла в Верхнем Поволжье было тесно связано с положением дел в других регионах страны. Со временем с ростом товарного обращения, с проведением новых и улучшением старых путей и способов сообщения, эта связь становилась все прочнее. От урожая в далекой Сибири или в низовьях Волги существенным образом зависела высота зимнего заработка у странствующего шерстобита и портного из Макарьевского и Кологривского уездов. Большой или малый заработок отходников определялся тем, много или мало строилось домов в Петербурге или Москве, и большой ли был наплыв туда строительных рабочих из Владимирской, Костромской, Ярославской и других губерний.

Так, «домостроительный» кризис, охвативший Петербург в первой половине 80-х гг. XIX в. сильно ударил по отхожему промыслу крестьян, занимавшихся строительством³⁴. В 1911 г. из-за неурожая в Сибири осенний сезон оказался неудачным для портных и валенщиков из Кологривского уезда Костромской губернии. По этой причине, как сообщал земский корреспондент, «половина отходников осталась дома, а другие не знают, как заработать денег на обратную дорогу»³⁵.

³² Статистический ежегодник Костромской губернии... С. 80.

³³ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 14. Кустарные промыслы. Ярославль, 1904. С. 13.

³⁴ Энциклопедический словарь Ф.А Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. XXVIII а. С. 319.

³⁵ Статистический ежегодник Костромской губернии... С. 79.

Как не изменчивы были заработки отходника, тем не менее, они были, как правило, выше доходов от местных промыслов. По подсчетам П.Г. Рындзюнского, средний годовой заработок отходника в Костромской губернии в начале 80-х гг. XIX в. составлял 46 руб., а местного промышленника – 31 руб. Таким образом, в отходе крестьянин получал на 1/3 больше местного промышленника, что без сомнения стимулировало уход промышленников из деревни³⁶.

Еще одним фактором, способствовавшим развитию отхожих промыслов, было развитие транспортных связей в пореформенной России. Вследствие увеличения железнодорожной сети, развития парового флота регионы оказались более тесно связаны с друг с другом. Это, во-первых, не могло не отразиться на состоянии местного сельского хозяйства. Так, в Верхнем Поволжье производство зерна становилось мало выгодным: население все более и более переходило на дешевый хлеб, поступающий с низовьев Волги. Интересно отметить, что из трех губерний Верхнего Поволжья наименьшие местные цены на хлеб были в Ярославской губернии, а наибольшие – в Костромской губернии. Так, местная цена пуда ржи в среднем за период 1881 – 1887 гг. составила в Ярославской губернии 77 коп. (такая же средняя стоимость пуда ржи была и в целом по 50 губерниям Европейской России), во Владимирской – 83 коп., в Костромской – 85 коп.³⁷

Таким образом, видна прямая зависимость между местными ценами на зерно и развитием отхожих промыслов. Переход от натурального хозяйства к товарному заставлял крестьянство уделять больше своего времени всякого рода неземледельческим занятиям, причем движение в сторону более высоких заработков и упадок кустарного производства толкало основную массу крестьян в отхожий промысел.

Во-вторых, быстро развивавшиеся в России во второй половине XIX в. средства коммуникации намного облегчили трудовую миграцию населения. Благодаря развитию железнодорожного транспорта масса крестьян могла в относительно короткий

³⁶ Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С. 252–253.

³⁷ Временник Центрального статистического комитета министерства внутренних дел. 1888. № 3. С. 1.

срок добраться из мест постоянного проживания в другие районы страны, в том числе и в столичные города. Широкое использование отходниками железных дорог подтверждается анализом междугородних (внепригородных) пассажирских перевозок в Санкт-Петербурге. Исследование 1896 г. показало, что наибольший приток пассажиров в столицу наблюдался в апреле, августе и сентябре, а из Петербурга – в мае и октябре³⁸, т.е. больше всего приезжало в город крестьян до начала полевых работ или после окончания сенокоса, а уезжало с началом сева или с наступлением осенних холодов, когда заканчивался строительный сезон.

Выше приведен размер средней заработной платы костромского отходника в начале 80-х гг. XIX в. Доходность же крестьян от сельского хозяйства указана на период конца XIX столетия и первых лет XX в. Какую же сумму денег в это время мог заработать крестьянин, занимаясь отхожим промыслом?

Величина заработка зависела главным образом от профессии работника, его квалификации и от продолжительности рабочего сезона. Относительно высоким были доходы у лиц, работавших круглый год на фабриках, а из сезонных рабочих – у строителей.

В табл. 8 приводятся данные о величине заработной платы рабочих-текстильщиков Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. Основную массу этих рабочих составляли крестьяне-отходники.

По данным отчетов Ярославской Большой мануфактуры, в 1893 – 1894 гг. средняя заработная плата рабочего составляла в месяц 11 руб. 96 коп., или около 145 рублей в год³⁹.

В конце 90-х гг. XIX в. годовой заработок владимирских ткачей колебался от 70 до 280 руб. Средний чистый заработок ткачей (за вычетом расходов на питание и проживания) составлял – 89 руб., прядильщиков – 160 руб., плотников – 105 руб., каменщики и штукатуры за сезон (с Пасхи до Покрова) имели чистый доход от 85 до 100 руб.⁴⁰

³⁸ Энциклопедический словарь Ф.А Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. XXVIII а. С. 329.

³⁹ Ярославль. Очерки по истории города. (XI в.– октябрь 1917 г.) Ярославль, 1954. С. 131.

⁴⁰ Александров Л. Я. Указ. соч. С. 29.

***Заработная плата рабочих-текстильщиков
Костромской губернии с 1896 по 1903 гг.****

Годы	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
В год (в руб.)	125	126	130	137	140	143	149	147
В месяц (в руб.)	10,4	10,5	10,8	11,5	11,7	11,9	12,4	12,4
В день (в коп.)	34	34	35	37	38	39	40	40

* Источник: Матвеева Э.В. К вопросу об экономическом положении рабочих-текстильщиков Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Из истории Костромского края: Сборник научных трудов КГПИ и ЯГПИ. Вып. 33. Ярославль, 1972. С. 104.

Сравнение доходов от сельского хозяйства с доходами крестьян от отхожих промыслов показывает, что отход был экономически выгоден селянину, и это была главная причина его быстрого развития в пореформенный период.

Для многих крестьян, занимавшихся отхожими промыслами, особенно торговлей, своеобразными маяками были их знаменитые земляки, сумевшие с помощью отхода «сколотить» значительные капиталы. Это известный на всю Россию «водочный король» Петр Смирнов, бывший крестьянин Ярославской губернии, или крупнейший издатель-просветитель Иван Сытин, выходец из Костромской губернии.

В начале XX в. в некоторых местностях Верхнего Поволжья отходом было занято «почти все мужское население». Часто в деревне оставалась только так называемая «питерская браковка», т.е. люди, не удовлетворявшие требованиям, предъявляемым к отходнику: лица пожилого возраста, а также судимые, пьяницы и пр. В ряде районов среди крестьян считалось позором для мужчины прожить всю жизнь в деревне, ни разу не участвуя в отхожих промыслах. Корреспонденты ярославского земства так описывали отношение населения к молодым крестьянам, не занимающимся отхожим промыслом: «оседлого молодого человека

считают за неспособного, неразвитого; даже невесты игнорируют». «Девушки упираются идти за деревенского жителя. Почему? Потому, что негде копеечку ему достать, нарядов послать»⁴¹. Таким образом, общественное мнение также являлось фактором, способствовавшим развитию отхожих промыслов в регионе.

Отхожие промыслы представляют собой сложное социальное явление и при объяснении причин и условий их развития необходимо принимать во внимание не только экономические, но и другие факторы. На это обратили внимание еще ярославские чиновники в конце XIX в., исследовавшие отхожие промыслы.

Служащие местной администрации, анализируя причины широкого распространения отхожих промыслов в губернии, отмечали, что во многом это связано с особым психологическим складом ярославского крестьянина. Они справедливо указывали, что во многих районах России земледелие и кустарные промыслы не обеспечивали крестьянина всем необходимым, но не везде это вызывало интенсивное развитие отхожих промыслов. Очевидно, что рядом с нуждой должны были существовать и другие условия нематериального характера, чтобы победить инертность земледельца и погнать его на заработки в чужую сторону. Тип ярославского крестьянина с его предприимчивостью и оборотистостью не только делал его весьма способным к различной деятельности вне села, но часто саму эту деятельность делал успешной. Ярославский крестьянин, возможно, в большей степени, чем крестьянство других губерний, чувствовал нужду и был недоволен своим «домашним положением». С одной стороны, это было следствием традиционно развитого отхода в столицы, с другой – служило дальнейшему развитию процесса оттока крестьян из села⁴².

О том, что не только материальные причины влияли на степень развития отхожих промыслов, указывалось и в исследованиях советских ученых. Так, в монографии В.П. Панютича рассматриваются причины сравнительно малого развития отхода в бело-

⁴¹ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896-1902 гг.) Ярославль. 1907. С. 21–22.

⁴² ГАЯО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 557. Л. 5-6 об.

русско-литовских губерниях, районе высокого аграрного перенаселения. Автор указывает ряд причин, тормозивших развитие ухода крестьян на заработки в этой части страны. Среди них и отсутствие традиции отхожих промыслов⁴³.

Отмена крепостного права и модернизация страны, малая доходность сельского хозяйства, но большие налоги привели к усиленной трудовой миграции сельского населения, которая развивалась в форме отхожих промыслов. В силу как объективных, так и субъективных факторов степень вовлечения крестьян разных регионов в миграционные процессы в пореформенный период имела значительные отличия.

Лекция 2

Направления отхода.

Виды отхожих промыслов

Крестьяне-отходники Верхнего Поволжья искали лучшей доли как в ближайшей к постоянному месту жительства округе, так и далеко от родных мест, преимущественно в столичных городах. Петербург и Москва, как два быстро развивавшихся в пореформенный период центра промышленности и торговли, привлекали крестьян соседних губерний, среди которых было много выходцев из сел и деревень Верхнего Поволжья.

Интересные сведения содержат однодневные переписи населения Петербурга и Москвы и материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. о численности находившихся в этих городах выходцев из разных мест России по отношению к сельскому населению тех местностей, откуда они пришли (табл. 1 и 2). При сравнении данных однодневных переписей и всеобщей переписи необходимо учитывать, что в первых показаны представители только крестьянского сословия, проживавшие в Петербурге и Москве, а во всеобщей переписи – всех сословий. Зная, что в абсолютном большинстве уроженцы губерний Верхнего Поволжья, проживавшие в обеих столицах, были

⁴³ Панютин В. П. Из истории формирования пролетариата в Белоруссии, 1861 - 1914 гг. Минск, 1969. С. 125–129.

крестьянами, можно считать, что погрешность в расчетах незначительна и не искажает картину.

Переписи по Петербургу дают следующие результаты*:

Таблица 1

Губерния	Население, %					
	Мужчин		Женщин		обоего пола	
	1869 г.	1897 г.	1869 г.	1897 г.	1869 г.	1897 г.
Владимирская	0,2	0,6	0,1	0,3	0,2	0,5
Костромская	2,1	3,4	0,4	1,2	1,3	2,2
Ярославская	9,4	17,7	1,9	5,1	5,3	10,3

* Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 1. СПб., 1878. С. 368–370; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. I. С. 124–131.

Переписи в Москве рисуют несколько другую картину*:

Таблица 2

Губерния	Население, %					
	Мужчин		Женщин		обоего пола	
	1872 г.	1897 г.	1872 г.	1897 г.	1872 г.	1897 г.
Владимирская	1,1	0,4	0,4	0,5	0,7	0,5
Костромская	0,4	0,2	0,1	0,2	0,3	0,2
Ярославская	2,9	4,3	0,6	1,4	1,7	2,6

* Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 1. СПб., 1878. С. 368–370; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. I. С. 124–131.

Приведенные данные свидетельствуют, что, во-первых, наиболее развит был отхожий промысел в столицы у ярославских крестьян (7,0% сельского населения в конце 60 – начале 70-х гг. XIX в. и 12,9% в 1897 г.), затем шли костромские (соответственно 1,6% и 2,2%) и владимирские (0,9% и 1,0%) крестьяне; во-вторых, ярославские и костромские крестьяне и крестьянки на всем протяжении пореформенного периода предпочитали отходу в Моск-

ву отход в Петербург. Во Владимирской губернии ситуация была сложнее: в начале пореформенного периода численность уходивших на заработки в первопрестольную как среди мужчин, так и среди женщин значительно превышала отход в Петербург. В конце XIX в. доля «питерцев» среди отходников-мужчин увеличилась параллельно с сокращением отхода в Москву, из-за чего общая численность крестьян в обоих миграционных потоках выровнялась. Петербург по мере своего развития становился все более и более привлекательным для крестьян, занятых различными отхожими промыслами. Особенно впечатляет численность ярославцев, проживавших в северной столице. В январе 1897 г. уроженцев этой губернии насчитывалось в городе 95 599 человек⁴⁴. Петербургский отход в глазах населения Ярославской губернии и северо-западной части Костромской губернии (район наибольшего распространения отхода в столицу) заслонял весь остальной. Словами «питеряки», «питерцы», «питерщики» часто называли всех крестьян, занимавшихся отхожими промыслами. Остававшееся дома население получило название «домачи», «домолеги»⁴⁵. Таблица 2 содержит данные о направлении отхода крестьян Ярославской губернии в 1901 г. Так, среди отходников-мужчин Ярославской губернии уходившие в Петербург составляли 61,0%, среди женщин – 57,1%.

В некоторых уездах на именно «питерский» отход приходилось более 70% всех уходивших на заработки. Так, в Любимском уезде в столицу уходили 83,9 % отходников-мужчин, в Даниловском – 82,5%, Мышкинском – 72,5%. Подобная картина наблюдалась и в отношении женского отхода. В тех же уездах и еще в Пошехонском уезде свыше 70% женщин, занимавшихся отхожими промыслами, искали работу в столице.

⁴⁴ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 131.

⁴⁵ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896 – 1902 гг.) Ярославль, 1907. С. 4; Соловьев А.Н. Питерщики-галичане. Этнографический очерк. Галич, 1923. С. 3.

Таблица 3

*Направление отхода крестьян Ярославской губернии в 1901 г.**

Уезд	Пол	Распределение крестьян-отходников по направлениям (в %)					Всего
		В округу и свой уезд	В свою губер- нию	В Петербург и губернию	В Москву и губернию	В прочие места	
Ярославский	муж.	43,9	12,2	31,1	7,1	5,7	100
	жен.	60,8	4,4	18,6	11,0	5,2	100
Даниловский	муж.	1,1	6,9	82,5	5,0	4,5	100
	жен.	0,8	12,7	74,8	7,6	4,1	100
Любимский	муж.	0,3	5,6	83,9	6,0	4,2	100
	жен.	0,2	10,8	76,1	8,4	4,5	100
Мологский	муж.	2,2	35,5	52,3	2,7	7,3	100
	жен.	1,3	34,3	58,8	3,5	2,1	100
Мышкинский	муж.	1,3	7,0	72,5	16,7	2,5	100
	жен.	1,5	7,2	70,4	17,7	3,2	100
Пошехонский	муж.	2,8	25,3	59,0	1,7	11,2	100
	жен.	3,0	18,6	70,7	3,3	4,4	100
Р.- Борисоглебский	муж.	4,0	17,9	61,4	13,0	3,7	100
	жен.	2,9	25,6	54,4	13,4	3,7	100
Ростовский	муж.	9,5	12,1	60,3	12,5	5,6	100
	жен.	8,1	10,3	58,2	18,1	5,3	100
Рыбинский	муж.	18,7	5,2	63,0	7,4	5,7	100
	жен.	15,0	6,5	64,4	9,8	4,3	100
Угличский	муж.	0,9	3,1	65,3	27,7	3,0	100
	жен.	0,3	4,1	54,6	38,6	2,4	100
По губернии	муж.	9,8	13,1	61,0	10,8	5,3	100
	жен.	11,1	13,2	57,1	14,8	3,8	100

*Источник: Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896 – 1902 гг.) Ярославль, 1907. С. 645.

Резко выраженная тяга в Петербург объясняется главным образом его исторической ролью в развитии ярославского отхода: с северной столицей у ярославцев с XVIII в. прочно установились тесные связи, и на этом трудовом рынке они долго не имели бо-

лее или менее серьезных соперников, так как значительную долю отходников из других губерний поглощала Москва.

В общей массе отходников из Ярославской губернии доля уходивших на заработки в первопрестольную была намного меньше, чем в Петербург. Во вторую столицу уходило 10,8% мужчин и 14,8% женщин от общего числа занятых отхожими промыслами. Отход в Москву был наиболее распространен в Угличском (27,7% мужчин и 38,6% женщин), Мышкинском (16,7% мужчин и 17,7% женщин) и Ростовском (12,5% мужчин и 18,1%) уездах.

Как видим из приведенной таблицы 3, отход в Москву был более распространен в южных уездах губернии, тогда как Петербург привлекал в первую очередь крестьян из северных и северо-западных уездов Ярославского края, ближе других расположенных к столице.

В то же время в направлении отхода кроме географического фактора большую роль играли и бытовые помещичьи связи с той или иной столицей: еще до отмены крепостного права отход из вотчин помещиков, живущих в Петербурге или Москве, направлялся главным образом по месту их пребывания⁴⁶.

Кроме столиц крестьяне уходили и в другие места. В 1901 г. в Ярославской губернии 77,1% отходников мужчин и 75,7% женщин трудились за пределами родной губернии. Это указывает на то, что для ярославских крестьян был в основном свойственен дальний отход.

Относительно слабый отход в Петербург и Москву владимирских крестьян объясняется тем, что быстро развивавшимся местным фабрикам требовалась значительная рабочая сила. Владимирская губерния во второй половине XIX в. по уровню промышленного развития занимала третье место в России после Петербургской и Московской. Здесь находился центр текстильной промышленности страны – Иваново-Вознесенск – русский Манчестер.

В конце XIX в. «главными поставщиками рабочей силы» на фабрики этого города были Шуйский, Суздальский, Ковровский

⁴⁶ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 5.

уезды Владимирской губернии; Нерехтский и Кинешемский – Костромской. На предприятиях работали также крестьяне из Смоленской, Рязанской, Вологодской и других губерний⁴⁷.

Быстро развивавшаяся промышленность Владимирской губернии в значительно большей степени нуждалась в рабочих руках, чем промышленность соседей: Костромской и особенно Ярославской губерний.

На разницу в уровне развития промышленного производства губерний указывают данные о численности фабрично-заводских рабочих приведенные в табл. 4.

Таблица 4

***Численность фабрично-заводских рабочих в губерниях
Верхнего Поволжья в начале XX в. ****

Губернии	Количество фабрично-заводских рабочих		Всего
	При заводах**	На стороне***	
Владимирская	176 768	8 566	185 334
Костромская	80 959	1 160	82 119
Ярославская	33 524	778	34 302

*Источник: Архипова Л. М. Мелкая крестьянская промышленность центрально-нечерноземного района России в начале XX века. М., 1995. С. 139.

**Графа «При заводах» содержит данные о численности рабочих, выполнявших работы на территории предприятия.

***Графа «На стороне» содержит данные о численности рабочих, выполнявших фабричные заказы вне стен предприятия. Данная категория рабочих была наиболее распространена во Владимирской губернии, где больше всего было развито текстильное производство.

Из данных таблицы видно, что в начале XX в. численность фабрично-заводских рабочих во Владимирской губернии более чем в два раза превышала численность рабочих в Костромской губернии и более чем в пять раз – в Ярославской.

⁴⁷ Образование. 1906. № 3. Отдел II. С. 26.

Известно, что основным источником формирования фабричных рабочих было крестьянство. Так, на рубеже XIX и XX столетий на трех крупных предприятиях Покровского уезда Владимирской губернии, где трудилось в общей сложности 5,5 тысяч человек, 94,1% по своей сословной принадлежности были крестьяне⁴⁸. Даже на предприятиях больших городов крестьяне составляли абсолютное большинство. Обследование 1908 г. рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры, расположенной в губернском центре, показало, что 83,0% из них относились к крестьянам, 16,6% – к мещанам и 0,4 % составляли представители других сословий⁴⁹. В России значительное число фабричных предприятий (в первую очередь текстильных) было сосредоточено в сельской местности. В связи с чем В.И. Ленин, анализируя причины этого явления, точно подметил, что если «мужика не пускают на фабрику, – фабрика идет к мужику»⁵⁰. В Верхнем Поволжье особенно широко была распространена организация фабрик на селе во Владимирской и Костромской губерниях. Так, в 90-е гг. XIX в. 86% фабрик и 84% рабочих текстильных предприятий Костромской губернии находилось вне городов, в сельской местности. Большинство рабочих на этих предприятиях было жителями близлежащих сел и деревень⁵¹.

Подобная картина наблюдалась и во Владимирской губернии, где 85% фабрик находились в селах⁵². В пореформенный период во многих селах Владимирской и значительной части Костромской губернии были все условия для быстрого развития производства: средства коммуникации, дешевая и обученная рабочая сила, подготовленная домашней промышленностью. Например, в

⁴⁸ Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. № 5. С. 152–167.

⁴⁹ Матвеева Э. В. К вопросу о связи рабочих-текстильщиков Костромской губернии с землей в 90-е годы XIX в. // Промышленность и пролетариат губерний Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 44. Ярославль, 1976. С. 91–92.

⁵⁰ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 524.

⁵¹ Матвеева Э. В. Указ. соч. С. 89.

⁵² Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1990. С. 6.

так называемом «фабричном» районе Костромской губернии, в который входили Юрьевецкий, Кинешемский, Нерехтский и Костромской уезды, фабрики строились недалеко от реки Волги, от железных дорог, соединяющих Кострому с Ярославлем и Москвой, Кинешму с Ивановом и Шуей. По Волге и железным дорогам владельцы предприятий получали сырье и топливо и отправляли готовую продукцию. Юго-западные уезды Костромской губернии и до открытия фабрик были центром текстильной промышленности края, поэтому проблема кадров при открытии новых предприятий не представляла особой сложности.

В Ярославской губернии фабричное производство на селе было развито значительно слабее, чем во Владимирской и Костромской губерниях. В основном оно было сосредоточено в местах, расположенных рядом с губернским центром.

В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России», основываясь на данных «Указателей фабрик и заводов» за 1879 и 1890 гг., выделил 103 центра фабрично-заводской промышленности Европейской России⁵³. Среди них были названы и фабричные центры, расположенные в Верхнем Поволжье.

В табл. 5 приведены данные о месте нахождения этих центров и численности занятых на них рабочих.

Данные таблицы свидетельствуют, что во всех трех губерниях региона на селе имелись крупные промышленные центры. В то же время по количеству центров фабрично-заводской промышленности и по численности занятых в них рабочих губернии сильно отличались между собой. По этим показателям Владимирская губерния намного превосходила соседей. Причем в ней, в отличие от Костромской и Ярославской губерний, промышленные центры на селе располагались почти на всей территории губернии, а не были сконцентрированы в отдельной ее части.

⁵³ Ленин В.И. Указ. соч. С. 518–519.

Таблица 5

*Крупнейшие центры фабрично-заводской промышленности
Верхнего Поволжья в конце XIX в.**

Губерния	Уезд	Город или селение	Количество рабочих	
			1879 г.	1890 г.
Владимир- ская	Покровский	м. Никольское у ст. Орехово	10946	26852
		с. Дулево	1100	1400
		д. Ликина	389	1155
		г. Киржач	1437	825
		<i>Итого по уезду</i>	<i>13872</i>	<i>30232</i>
	Шуйский	г. Шуя	4879	5473
		г. Иваново- Вознесенск	9943	15387
		с. Тейково	3524	3581
		с. Кохма	2413	1666
<i>Итого по уезду</i>		<i>20759</i>	<i>26107</i>	
Меленковский	г. Меленки	2769	2498	
	с. Гусь	3438	5241	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>6207</i>	<i>7739</i>	
Вязниковский	г. Вязники и дер. Ярцево ок. него	3017	3331	
	с. Южа	-	1961	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>3017</i>	<i>5292</i>	
Александров- ский	с. Карабаново	4248	3879	
	с. Струнино	1688	2771	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>5936</i>	<i>6650</i>	
Переяславский	г. Переяславль	2124	2157	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>2154</i>	<i>2157</i>	
Ковровский	г. Ковров огр.	1723	2062	
	с. Горки	838	1332	
	с. Колобово	575	885	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>3136</i>	<i>4279</i>	
Владимирский	с. Собиново	1819	2000	
	с. Ставрово	1335	871	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>3154</i>	<i>2871</i>	
Муромский	г. Муром	1407	1274	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>1407</i>	<i>1274</i>	

	Юрьев-Польский	г. Юрьев-Польский <i>Итого по уезду</i> Всего по губернии	1138 <i>1138</i> 60780	1126 <i>1126</i> 87727	
Костромская	Костромской	г. Кострома	5181	4907	
		<i>Итого по уезду</i>	<i>5181</i>	<i>4907</i>	
	Кинешемский	г. Кинешма			
		с окрестностями	157	1748	
		с. Тезино	950	2420	
		с. Бонячки	2365	1495	
		с. Наволоки	-	1305	
		с. Вичуга	800	1138	
		с. Н. Гольчиха	265	686	
	<i>Итого по уезду</i>	<i>4537</i>	<i>8792</i>		
	Нерехтский	г. Нерехта	1204	-	
		с. Киселево	1196	2368	
		с. Яковлевское	1095	2177	
с. Писцово		417	1773		
с. Фроловка		1300	1530		
<i>Итого по уезду</i>		<i>5212</i>	<i>7848</i>		
Юрьевецкий	г. Юрьевец	569	830		
	с. Родники	776	2792		
	<i>Итого по уезду</i>	<i>1345</i>	<i>3622</i>		
Всего по губернии	16275	25169			
Ярославская	Ярославский	г. Ярославль			
		с окрестностями	4206	9779	
		Норский посад	2304	1639	
		Великосельская волость	956	2992	
		<i>Итого по уезду</i>	<i>7466</i>	<i>14410</i>	
Всего по губернии	7466	14410			

*Источник: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 607–609.

В 1900 – 1901 гг. Владимирское губернское земство организовало изучение состава работавших на трех крупных предприятиях Покровского уезда. На обследованных двух фабриках и заводе было занято 5,5 тыс. человек. Одним из вопросов, интересовавших исследователей, являлся вопрос об источниках комплектования предприятий рабочей силой. В результате земские специалисты пришли к следующему выводу: «Живая рабочая сила стягивается на фабрику почти исключительно из деревень.

Фабрика окружена рядом концентрических, постепенно, по мере отдаления, разрежающихся кругов с деревнями, откуда идут крестьяне на фабрику. Первый круг, самый плотный, 7 в. в радиусе дает четверть рабочих; второй от 7 – 15 в. от фабрики поставляет другую четверть; третий от 15 – 25 или 35 в. дает еще 1/3 и только шестая часть рабочих набирается из деревень дальше 25 – 35 в. от фабрики. Но и здесь большинство выходят из соседних все-таки уездов. Дальние губернии дают всего на всего 3 ½ % всех рабочих. Это – почти исключительно непрофессионально-фабричные рабочие: чернорабочие, столяры, плотники, слесаря и т.п. Так постепенно редуют по мере удаления от фабрики ряды рабочих»⁵⁴.

О том, что на предприятиях, расположенных в сельской местности, работали в основном крестьяне из близлежащих деревень, свидетельствуют и данные по Костромской губернии. В документах, отражающих рабочее движение 90-х годов XIX века, неоднократно указывается, что во время стачек на текстильных фабриках в Наволоках, Бонячках, Тезине и других, расположенных в Кинешемском уезде, большинство рабочих – выходцев из ближайших деревень – расходилось по домам. Такое же явление наблюдается и во время праздников: фабричные казармы пустели в связи с уходом рабочих домой в деревню. Подобная картина была и на других предприятиях. На фабрике Рогачева в Нерехтском уезде из 988 рабочих, как сообщал в 1901 году фабричный инспектор, «до 500 человек живут в ближайших деревнях, на праздники все расходятся домой, так как из очень отдаленных мест нет».

На фабрике Горбуновых, по сведениям из того же источника, около 90% рабочих были выходцами из соседних деревень⁵⁵. В связи с относительно близким расположением предприятий от мест постоянного проживания крестьян, значительное количество последних ежедневно проделывало путь от дома до фабрики и обратно. Проживание фабричных рабочих у себя в деревне было распространенным явлением в «фабричных» уездах на юго-

⁵⁴ Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. № 5. С. 159.

⁵⁵ Матвеева Э.В. Указ. соч. С. 95.

западе Костромской губернии: многие рабочие вынуждены были ежедневно после окончания смены на фабрике совершать «прогулку 2-5 верст до дому»⁵⁶. Так, в 1901 году на фабрике С. Сидорова в селе Яковлевском Нерехтского уезда из 1901 рабочего около 400 человек проживали в селе, а «остальные, пользуясь ближайшим расстоянием от фабрики, ходят домой»⁵⁷.

Быстро развивавшиеся в Верхнем Поволжье промышленные центры не могли обеспечить работой всех желающих. В связи с этим значительное количество крестьян из «фабричных» уездов занималось в отходе строительством, торговлей и т.д. В тех же местностях, где не было рядом крупных предприятий, этими видами деятельности занималось большинство крестьян-отходников.

В одной из своих работ П.Г. Рындзюнский, основываясь на данных земской статистики, рассматривал вопрос о распределении по промыслам отлучавшихся из деревень крестьян разных местностей. Сведения по двум губерниям Верхнего Поволжья приведены в табл. 6. «Приведенные цифры, – как отмечал П.Г. Рындзюнский, – во многом несовершенны. Их неточность обусловлена в наибольшей степени тем, что группировка занятий крестьян-отходников в разных изданиях земской статистики не совпадает...»⁵⁸. В то же время данные таблицы показывают общую картину распределения по видам деятельности крестьян – отходников Верхнего Поволжья. Для нее характерны относительно малый удельный вес работы крестьян в крупной промышленности, преобладание работ в мелком производстве типа ремесла, мелкотоварного производства и внешних отделений мануфактур и фабрик, слабое развитие отхода на сельскохозяйственные работы. Вместе с общими чертами виды деятельности крестьян-отходников из Владимирской и Ярослав-

⁵⁶ Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866-83 гг. Кострома, 1887. С. 24.

⁵⁷ Матвеева Э.В. Указ. соч. С. 95.

⁵⁸ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 109.

ской губерний имели и существенные отличия. Если почти половина владимирских крестьян была занята в строительстве (плотники, каменщики, маляры, штукатуры), то среди ярославцев такую же часть среди отходников составляли крестьяне, занятые в торговле и на транспорте.

Таблица 6

***Распределение по видам занятий крестьян-отходников
Владимирской и Ярославской губерний в конце XIX в.
(в % к общему числу отходников)****

Виды занятий	Владимирская губерния	Ярославская губерния
На фабриках и заводах	11,9	6,6
В других видах обрабатывающей (преимущественно мелкой) промышленности	25,5	26,8
Строительство	45,8	..**
Торговля и транспорт	8,0	46,1
Личные услуги	6,2	12,5
Сельское хозяйство и добывающая промышленность	2,6	8,0
Итого	100	100

*Источник: Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 109.

** П.Г. Рындзюнский, опираясь на данные конца XIX в., считал, что отход, связанный со строительством, не играл существенной роли в Ярославской губернии. По данным же паспортной статистики в 1901 г. им было занято 18,5 тыс. человек или 11,4 % всех отходников мужчин⁵⁹.

Картографирование отхожих промыслов в Ярославской губернии показывает, что торговлей наиболее интенсивно занимались крестьяне в ее центральной и юго-западной части (Угличский, Рыбинский, Мышкинский уезды).

⁵⁹ См.: Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 644.

Различные виды торговли и особенно работа в трактирах были излюбленными занятиями для ярославских крестьян. Это был практически чисто мужской отход. Женщины среди отходников-торговцев из Ярославской губернии составляли 1,4%. В 1901 году в эти сферы была включена почти треть (31,9%) уходившего на заработки мужского населения, что составляло 7,8% всех лиц мужского пола в губернии. В Угличском уезде торговлей занималось больше половины отходников мужчин – 56,3% (41%, или 2/5 всех мужчин уезда), в Рыбинском почти половина – 48,2%, в Мышкинском – 39,2%⁶⁰. Причем трактирный промысел принес ярославцам наибольшую известность. Половые из ярославских крестьян, прислуживавшие в трактирах, считались лучшими в России.

В направлении торгового отхода наиболее четко проявились типичные черты всех ярославских отхожих промыслов. Последние, как уже указывалось, были по преимуществу городские, столичные, в частности питерские. В торговом отходе тяготение к столице, к Петербургу, сказалось с особенной силой. 82,3% всех крестьян, занимавшихся торговлей, уходило в официальную столицу. На втором месте по притягательности с большим отрывом шла Москва – 9,6%⁶¹.

В торговом отходе ярко высветилась зависимость «петербургского» или «московского» направлений от географического положения отдельных местностей губернии, наличия в них путей сообщений с той или иной столицей. Так, население южных волостей Мышкинского, Угличского и Ростовского уездов занималось в основном торговлей в Москве. Эти местности находились в наибольшей близости к ней. С первопрестольной были тесно связаны и крестьяне ряда волостей Даниловского уезда, расположенных на древнем торговом пути Москва – Архангельск.

Наоборот, в местностях, лежащих на водных и железнодорожных путях, связывавших губернию с Петербургом, в большинстве случаев преобладал питерский отход.

Необходимо отметить, что с проведением железных дорог водный путь в Петербург стал менее популярным среди ярослав-

⁶⁰ См.: Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 3, 644.

⁶¹ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. С. 3

цев. Железные дороги в конце XIX в. стали главным способом передвижения крестьян-отходников. До железнодорожных станций крестьяне добирались по-разному: пароходом, на лошадях, а иногда и пешком. Билеты брали в вагон 3 класса. Дорога в Петербург обходилась в среднем в 7 руб. 50 коп., в Москву – 4 руб. 30 коп. Цена билета зависела от станций отправления, которых в губернии было несколько⁶².

На востоке губернии (Даниловский, Ярославский уезды) был широко распространен отход на строительные работы. В 1901 г. в Даниловском уезде им было занято больше половины всех отходников – мужчин (52,5%), в Ярославском – одна треть (31,1%). В других уездах удельный вес отходников-строителей, среди временно покидавших деревню крестьян, был значительно меньше.

Фабричный же отход играл существенную роль только в Ярославском уезде, где в него было вовлечено 9,4% отходников-мужчин и 20,7% женщин⁶³. Необходимо учитывать и тот факт, что абсолютное большинство ярославских крестьян, уходивших для работы на фабрики и заводы, не выходили за границы своей губернии⁶⁴. Следовательно, фабричный отход в Ярославской губернии – это относительно ближний отход. Причем, работа на фабриках и заводах не особенно привлекала ярославских крестьян. В связи с этим на предприятиях губернского центра трудилось много выходцев из соседних губерний. Так, основной поток желающих устроиться на самую большую фабрику Ярославля и одно из крупнейших предприятий страны – Ярославскую Большую Мануфактуру (ЯБМ) – направлялся из Владимирской губернии. Эти рабочие составляли во второй половине XIX века 2/3 всех занятых на ЯБМ. В начале XX столетия их доля сократилась до 1/3. Лидирующие позиции среди уездов Владимирской губернии, поставляющих рабочих на ЯБМ, занимал Юрьевский уезд (который непосредственно не граничил с Ярославским уездом, следовательно, рабочие находились на достаточно большом рас-

⁶² Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 5–6.

⁶³ Там же. С. 644.

⁶⁴ Воробьев Кл. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк. Ярославль, 1903. С. 13.

стоянии от родных мест). Немаловажна и такая деталь: отходники из Юрьевского уезда были, чуть ли, не самыми дисциплинированными рабочими, в то время как наибольшим количеством нарушений правил внутреннего распорядка выделялись выходцы из Ярославской губернии (они в 1,4 раза больше прогуливали и в 2 раза больше штрафовались за дисциплинарные поступки по сравнению с рабочими из других губерний)⁶⁵.

Основная часть костромских крестьян-отходников занималась строительством, сплавом и переработкой древесины, работой на ближайших фабриках. Причем, вовлеченность крестьян в отхожие промыслы и распределение их по видам занятий в разных местностях Костромского края, как и в других губерниях Верхнего Поволжья, сильно отличались. В табл. 7 показано распределение по видам занятий отходников из разных местностей Костромской губернии⁶⁶.

Известно, что в разных районах Костромской губернии имелись существенные различия в занятии населения. В связи с этим территория края еще досоветскими исследователями подразделялась на три части: северо-запад (район дальних отхожих промыслов), юго-запад (промышленный район) и северо-восток (лесная полоса).

Данные таблицы показывают, что в промышленной полосе наибольшее распространение получили отхожие промыслы, связанные с работой крестьян на крупных и мелких промышленных предприятиях. Значительно развит в этой местности был и строительный отход (исключением являлся Юрьевецкий уезд, где доля строителей среди отходников была незначительна).

⁶⁵ Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. История предпринимательства. Мотивация труда в российской промышленности (вторая половина XIX – начало XX в.): Текст лекций. Ярославль, 2005. С. 55.

⁶⁶ Данные таблицы получены путем обработки материалов обследования, проведенного в Костромской губернии в 1880 г. Комиссией по исследованию кустарной промышленности в России. Ввиду того что время обследования, методика сбора и обработки данных об отхожих промыслах в Костромской губернии и двух других губерний региона сильно отличаются, сравнение их не совсем корректно. В то же время данные по Костромской губернии хорошо раскрывают поуездную специфику отхода.

Таблица 7

**Распределение по видам занятий крестьян-отходников
Костромской губернии в 1880 г.***

Уезд	Процентное соотношение отходников по группам профессий					
	Лесные	Фабрично-заводские	Мелко-товар. производства	Сферы услуг	Строительные	Сельскохозяйственные
Промышленная полоса						
Кинешемский	0,6	59,6	6,3	16,9	10,4	6,2
Костромской	2,7	14,1	14,2	7,8	61,2	0
Нерехтский	3,1	59,1	1,1	0,6	35,6	0,5
Юрьевецкий	0,3	47,4	36,9	12,6	1,2	1,6
<i>по полосе</i>	<i>1,5</i>	<i>48,3</i>	<i>17,7</i>	<i>9,3</i>	<i>21,3</i>	<i>1,9</i>
Лесная полоса						
Варнавинский	69,2	1,9	17,6	8,4	1,3	1,6
Ветлужский	93,8	0	0,6	5,6	0	0
Кологривский	47,7	0,8	23,8	0,9	26,8	0
Макарьевский	42,0	6,2	33	14,5	4,3	0,04
<i>по полосе</i>	<i>59,8</i>	<i>2,5</i>	<i>20,4</i>	<i>7,5</i>	<i>9,6</i>	<i>0,2</i>
Отхожая полоса						
Буйский	3,8	7,9	18,6	8,9	50,6	10,2
Галичский	0	2,3	18,5	1,7	75,8	1,7
Солигаличский	0	6,5	14,6	11,2	67,7	0
Чухломской	3	7,5	23,1	7,2	59,2	0
<i>по полосе</i>	<i>1,5</i>	<i>5,5</i>	<i>18,9</i>	<i>6,2</i>	<i>65,4</i>	<i>2,5</i>
по губернии	24,8	18,3	19,1	7,7	28,7	1,4

* Источник: Ратьков А.Г. Профессиональный состав отходников как критерий достоверности массовых источников о масштабах крестьянского отхода в начале 80-х годов XIX века (на материалах Костромской губернии) // Вестник Костромского государственного университета. № 3. 1999. С. 101.

В лесной полосе был распространен отход, связанный с лесными промыслами. Наибольшее развитие они получили в Ветлужском уезде, где ими было занято 9/10 отходников.

В уездах отхожей полосы значительного развития достигли строительные промыслы, в которых было занято от 1/2 до 3/4 всех отходников.

О широком распространении строительного отхода в губернии свидетельствует и тот факт, что согласно переписи населения Петербурга, проведенной 10 декабря 1869 г., в столице находились 10 199 костромских крестьян мужского пола. Из них плотников – 2 153 человека, столяров и мебельщиков – 2 412, штукатуров и маляров – 1 398⁶⁷.

Существенным различием отхода крестьян, связанным с разными видами деятельности, было расстояние от родной деревни до места приложения своих рабочих сил. Если фабричные рабочие и крестьяне, занимавшиеся лесными промыслами, как правило, находили работу недалеко от постоянного места жительства, то значительная часть строителей была вынуждена трудиться за сотни верст от родного села. Так, строители из северо-западных уездов Костромской губернии уходили главным образом в Петербург. Отход в столицу получил здесь заметное развитие еще задолго до отмены крепостного права. Существенную роль в этом сыграло расположение района на древнейшем торговом пути по реке Костроме. Возникновение строительного отхода было вызвано традиционным использованием местных природных ресурсов (солигаличские известняки, лес).

Большое количество каменных зданий в Москве было построено руками владимирских каменщиков. Начало каменного строительства в центре страны связано со строительством в XII в. первых храмов на Владимирской земле. Первые каменщики и художники были иностранцы, присланные князю Андрею Боголюбскому императором Фридрихом. От них начали учиться каменному делу и русские.

Считается, что участие владимирских крестьян в строительстве каменных зданий получило развитие уже в XV – XVI вв. Особенно сильный толчок к процветанию этого промысла во Владимирском крае был дан пожаром Москвы 1812 г. В это время мно-

⁶⁷ Жбанков Д. Н. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866 – 83 гг. Кострома, 1887. С. 32.

гие крестьяне сделались каменщиками и плотниками и стали уходить в Москву, оставляя земледелие на руках женщин. Заработок был по тогдашнему времени очень велик – 300 руб. ассигнациями в лето (86 руб. серебром). Рост крупной промышленности в конце XIX в. стал новым этапом как в развитии строительной отрасли вообще, так и промысла владимирских каменщиков. Из-за большого спроса на каменщиков и высокой оплаты их труда крестьяне стали бросать другие виды промыслов: работы в лесах, плотничество по деревням, тканье рогожных кульков и т.п. и переходить в каменщики. «В виду хорошей платы каменщикам, – сообщалось в корреспонденции одной из волостей, – местная молодежь вся стремится к этой работе. 17-летнему парню, не знакомому еще с этой работой в первое же лето подрядчики платят 70 – 80 р.»⁶⁸. Промысел захватывал все большую территорию. Так, в Суздальском уезде каменщики по численности превосходили всех остальных крестьян занятых в промыслах. В 1899 г. в этом уезде их было 5 310⁶⁹. Три четверти из них уходило в Москву. Центром промысла являлись селения трех волостей на юге уезда: Теренеевской, Быковской и Городищевской. Отсюда происходило 70,9% всех каменщиков уезда. Здесь 40 – 50% мужчин в возрасте от 14 до 60 лет занимались каменным строительством⁷⁰.

Местом сосредоточения столяров и плотников Владимирской губернии был Покровский уезд. В конце XIX в. отсюда на заработки ежегодно уходило свыше 13 тысяч специалистов этих профессий⁷¹.

На выбор крестьянами вида промысла оказывали влияние следующие факторы: величина заработка, близость от дома предстоявшего места работы и традиционность тех или иных видов деятельности для населения данной местности. Причем последний фактор часто был определяющим. Вот что по этому поводу

⁶⁸ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир-на-Клязьме. 1902. С. 20.

⁶⁹ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII... С. 72.

⁷⁰ Там же. С. 20.

⁷¹ Край наш Владимирский. Ярославль, 1989. С. 35.

писал Д.Н. Жбанков, изучавший в конце XIX в. отхожие промыслы в Костромской губернии: «Отхожие заработки, подобно главному занятию крестьян – земледелию, отличаются также строгим консервативным характером в большинстве местностей: в какую форму отлился отход из известного места, в той он и продолжается ... Постоянство отхода сохраняется иногда даже при невыгодности его для населения, что видно из следующего примера: в Чухломском и Солигаличском уездах (район строительного отхода в Петербург – *Н.А.*) все более распространяется обычай среди крестьян-мужчин носить городскую одежду – «пинжаки», пальто и пр. Но солигаличане и чухломцы до последнего времени не выделяют части своих отхожих промышленников для обучения нужному для них портняжному ремеслу, а в эти уезды являются портные из Галичского и других уездов. То же самое наблюдается и относительно других ремесел: сапожники, валенщики, щербобиты здесь большею частью пришлые. Таким образом, – делал вывод исследователь, – во многих местностях крестьяне уходят на сторону для заработков, тогда как заработок можно достать и около себя, в своем или соседнем уезде, и за этим заработком являются по заведенному обычаю промышленники из других более отдаленных уездов и губерний»⁷².

По-видимому, в традиционности и консервативности крестьянства (которые были присущи ему в разных жизненных сферах) нужно искать объяснение и поведению отходников. Так, быстро развивавшееся текстильное производство Ярославля обеспечивалось рабочей силой в значительной степени не за счет местных крестьян, а за счет выходцев из тех районов Владимирской и Костромской губернии, где крестьяне традиционно занимались выработкой тканей. Так, в Юрьевском уезде Владимирской губернии домашнее ткачество хлопчатобумажных тканей долгое время было одним из основных неземледельческих промыслов. С развитием фабричного производства кустари, занимавшиеся производством тканей, должны были осваивать специальности, не связанные с ткацким производством, или находить себе работу на текстильных фабриках, часто расположенных вдалеке от родных

⁷² Жбанков Д.Н. Бабыя сторона // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8. Кострома, 1891. С. 7–8.

мест. В связи с этим в конце XIX – начале XX в. и наблюдался усиленный приток юрьевских крестьян в Ярославль для работы на ЯБМ.

В 1884 г. в селе Песочном Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии начала работать фарфоро-фаянсовая фабрика, которая вскоре выросла в крупное предприятие. Через полтора десятка лет после открытия на нем работало свыше 600 человек. В начале XX в. половина рабочих на этом предприятии была из Гжельской волости Московской губернии, в то время как на сельских фабриках, как правило, в отличие от предприятий, расположенных в городах, преобладали рабочие из крестьян ближайших волостей⁷³. В данном случае для местных крестьян этот вид производства был незнаком, и они не особенно стремились устроиться работать на фабрику. В то же время гжельские крестьяне, занимавшиеся кустарным производством керамической посуды в течение многих поколений, нашли вдали от дома объект приложения своих навыков и умений.

Ростовский уезд Ярославской губернии получил широкую известность в стране благодаря успешному выращиванию там различных овощей и лекарственных трав. Этот вид деятельности местных крестьян также имел большие традиции. Занятие огородничеством среди крестьян Ростовского уезда было распространено уже в середине XVIII века. Причем, вскоре выращивание огородных культур становится одним из видов отхожего промысла. Ростовские огородники успешно применяли свои знания и умения в различных местностях страны, но главным образом в Петербурге и его предместьях. Огородный промысел становится «визитной карточкой» ростовцев. В 1901 г. из 4 768 ярославских крестьян, занимавшихся этим промыслом в Ярославской губернии, 4 356, или 91,4% были выходцами из Ростовского уезда⁷⁴. Выращивание овощей являлось единственным массовым отхожим земледельческим промыслом, получившим

⁷³ См.: Мейерович М.Г. О происхождении промышленных рабочих Ярославской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. История. 1969. № 6. С. 28.

⁷⁴ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 396, 570.

развитие среди крестьян не только Ярославской губернии, но и всего Верхнего Поволжья.

Распространение среди ярославских крестьян-отходников занятий различными видами торговли во многом объясняется расположением губернии на главных водных путях страны. Реки, протекавшие по территории края (Волга, Шексна, Молога), давали возможность выхода к трем морям – Каспийскому, Балтийскому и Белому. Местное население издавна имело торговые связи не только с различными регионами России, но и с зарубежными странами. «Эти условия несомненно оказали влияние на облик местного населения, выработали в нем подвижность, оборотливость и умение приспособляться к обстоятельствам»⁷⁵. В первую очередь эти качества были присущи населению той части губернии, по которой проходила основная водная магистраль России – река Волга.

Несомненно, что историческая роль Ярославля как одного из торговых центров Московской Руси в значительной степени подготавливала почву для торгового отхода.

Наличие многочисленных местных ярмарок и базаров, широкое распространение среди сельского населения различных кустарных промыслов, продукцию которых в массе своей нужно было продавать, все это так же способствовало развитию среди крестьян торговых навыков. Так, во второй половине XVIII в. крестьяне сел и деревень, в которых большое распространение получили промыслы и торговля, полностью или почти полностью порывали с сельским хозяйством. Примером может быть торговое село Великое в Ярославском уезде. Жители этого села, как сообщал ярославский генерал-губернатор в Петербург, «более склонны к торговым делам, единственно в том и упражняются, не входя в хлебопашество»⁷⁶. Крепостное право во многих случаях нисколько не тормозило торговый отход. Наоборот – помещики поощряли занятие торговлей своих крепостных, т.к. торговец на

⁷⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. I. С. III.

⁷⁶ Цит. по: Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 157.

оброке приносил больший доход помещику, чем земледелец на барщине.

Торговля пользовалась особой привлекательностью среди крестьян отчасти и потому, что в этой сфере можно было относительно быстро «сколотить» капитал и изменить свой социальный статус.

Необходимо отметить, что в торговле и сфере услуг, как и в других видах промыслов, отчетливо проявлялась региональная специализация крестьян. «Трактирщик не ярославец – явление странное, существо подозрительное», – писал И.Т. Кокорев о Москве сороковых годов XIX в.⁷⁷ Интересное объяснение повышенной тяги ярославцев к торговому делу, отличие торговых занятий выходцев из разных мест дал Л.П. Веснин в конце XIX в.: «Эта профессия, требуя не столько физических сил и каких-либо технических знаний, сколько ловкости, сообразительности, умения пользоваться обстоятельствами, издавна манила к себе оборотливого ярославца. Он давно смекнул, что быть посредником между производителем и потребителем не в пример благодарнее, чем самому заниматься тяжелым физическим трудом. Оттого едва ли какая иная губерния, кроме Ярославской, после трактирных служителей, дает такую массу лавочников, «сидельцев», «краснорядцев» и т.п. люда. Торговля, однако, слишком соблазнительная вещь, – справедливо отмечал далее исследователь, – чтобы она не могла приманить к себе и более юрких обитателей других местностей России. И действительно, соседняя с Ярославскою Владимирская губерния по торговым наклонностям своих обитателей напоминает первую. Но в то время, как ярославец любит прочно усесться в облюбованном им месте, владимирец предпочитает колесить по сему необъятному пространству российского царства. Ковровские, вязниковские и гороховецкие офени получили известность по всей России»⁷⁸.

⁷⁷ Цит. по: Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 262.

⁷⁸ Веснин Л. П. Значение отхожих промыслов в жизни крестьянства // Дело. 1886. № 7. С. 145.

Относительно владимирских офеней земские корреспонденты нередко считали даже излишним указывать места отхода и ограничивались одним выражением – «ходят повсюду»⁷⁹.

Офени – торговцы мелким товаром вразноску или вразвозку. Они обслуживали преимущественно деревню и малые города. Торговали они главным образом книгами, иконами, бумагой, лубочными картинками в сочетании с шелком, иглами, женскими украшениями. С конца XIX в. офени расширили товарный ассортимент за счет продажи серпов, кос, ножниц, чая⁸⁰.

Офени из Вязниковского уезда были известны и за пределами России. В источниках середины XVIII в. сообщалось, что они издавна ходили со святыми иконами в Польшу, Грецию, Болгарию и другие места. В 80-х гг. XIX в. офени Владимирской губернии скупали образа в Мстере и Холуе и обозами отправляли их по ярмаркам «от Восточной Сибири до Турции»⁸¹.

В Костромской губернии торговый отход не получил столь широкого распространения, как в соседних губерниях Верхнего Поволжья. Немаловажную роль в этом сыграл и тот факт, что эта губерния была окраиной Центрально-промышленного района. Фактически только юго-запад губернии (Костромской, Нерехтский, Кинешемский и Юрьевецкий уезды), где находились текстильные предприятия, являлся частью ЦПР. Остальная территория представляла «лесную глушь» даже по меркам того времени. Это не могло не отразиться на внешнем облике и поведении костромских крестьян. Сравнивая жителей двух соседних губерний – Костромской и Ярославской – в конце XIX в. современники отмечали, что первые выглядят грубее вторых, «но зато и гораздо

⁷⁹ Обзор Владимирской губернии за 1897 г. Владимир-на-Клязьме, 1898. С. 503.

⁸⁰ Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 29.

⁸¹ Громыко М.М. Указ. соч. С. 261–262.

простодушнее и прямее»⁸². Подобные качества вряд ли могли способствовать успешному занятию в торговой сфере.

Итак, направления отхода и виды занятий крестьян-отходников были вызваны целым рядом как природно-географических, так и социальных причин. Специализация отхожих промыслов целых районов или отдельных селений, как правило, складывалась на протяжении длительного периода времени. В промысловой деятельности ярко выразилась традиционность и консервативность российского крестьянства. Для пореформенного крестьянства в период занятий отхожими промыслами не была свойственна высокая мобильность при смене видов деятельности. В выборе занятий отходниками проявились и местные особенности социально-психологического развития крестьянства.

Лекция 3

Отход и сельское хозяйство

Одним из наиболее сложных вопросов при изучении крестьянских отхожих промыслов является вопрос о влиянии промыслов на сельское хозяйство, на связь крестьянина с землей. В первой лекции приводились данные о количестве выбранных паспортов в губерниях Верхнего Поволжья. При всей важности этих сведений следует учитывать, что данные о количестве выбранных паспортов не в полной мере отражают связи сельского труженика с деревней. Дело в том, что кратковременный уход на заработки в период между выполнением основных полевых работ не мешал крестьянину заниматься сельским хозяйством, в то время как длительный уход из села не позволял сочетать земледелие с отхожими промыслами. В связи с этим важным показателем развития отхожих промыслов в том или ином районе служат данные о длительности отхода. В табл. 1 приведены сведения о распределении документов, дающих право на занятие отхожим промыслом по губерниям региона.

⁸² Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. Ч. III. (Костромская губерния). СПб., 1889. С. 44.

Таблица 1

**Распределение кратковременных билетов и паспортов,
выбранных в 1861 – 1890 гг. в губерниях Верхнего Поволжья
(в %)***

Губерния	1861 – 1870 гг.			1871 – 1880 гг.			1881 – 1890 гг.		
	выбрано на срок								
	1-3 мес.	6 мес.	1 год	1-3 мес.	6 мес.	1 год	1-3 мес.	6 мес.	1 год
Владимирская	21,1	47,6	31,3	58,9	27,8	13,3	54,3	30,8	14,9
Костромская	23,6	40,6	35,8	63,1	21,4	15,5	66,0	21,8	12,2
Ярославская	7,3	29,3	63,4	27,3	23,7	49,0	26,9	23,9	49,2
Европ. Россия (43 губ.)	15,1	44,7	40,2	47,9	27,8	24,3	50,2	26,8	23,0

*Источник: Минц Л. Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 127.

Из данных таблицы следует, что на всем протяжении пореформенного периода в Ярославской губернии отход крестьян на заработки на срок не менее года был намного распространеннее, чем во Владимирской и Костромской губерниях. В 70 – 80-е гг. XIX в. половина ярославских крестьян для занятия отхожими промыслами выбирала годовые паспорта. Среди владимирских и костромских крестьян таких было 12 – 15%. Это значительно меньше среднего показателя по стране – 23 – 28%. Следовательно, несмотря на то, что по количеству паспортов на 1 000 человек сельского населения между губерниями региона в конце XIX в. произошло значительное сближение, качественные показатели указывают, что отход ярославских крестьян имел на всем протяжении пореформенного периода существенные отличия от отхода крестьян владимирских и костромских.

Территориальные различия в выборке типов документов на право отхода отчетливо прослеживаются и внутри отдельных губерний.

Поуездное исследование динамики отхожих промыслов Костромской губернии показывает, что в местностях с преоблада-

нием того или иного вида отхожей деятельности крестьян процесс этот имел значительные отличия. Так, в 1880 г. в среднем по Костромской губернии на 100 человек мужского пола выбиралось 33,1 документа, дающих право на отхожий промысел. Причем годовые паспорта составляли 14,1% общей численности кратковременных билетов и паспортов. В то время как в одном из местных центров столичного отхода крестьян – Чухломском уезде эти показатели составляли соответственно 36,1 и 54,6%; в Нерехтском уезде, относившемся к «фабричному» району – 46,1 и 1,5%; а в одном из «лесных» уездов – Ветлужском – 19,3 и 0,9%. Это указывает на то, что в различных районах Костромской губернии отход крестьян на заработки отличался не только по количеству уходящего из деревни населения, но по времени, на которое прерывалась связь отходника с крестьянским хозяйством. Если в районах дальнего столичного отхода крестьяне надолго покидали деревню, то при уходе на работу на ближайшую фабрику и тем более на работах по заготовке леса связь с деревней прерывалась на гораздо меньший срок. Сравнение данных паспортной статистики по Костромской губернии за 1868 и 1880 гг. показывает, что при общем увеличении за 12 лет числа выбранных отходниками-мужчинами документов на 39% процесс этот происходил в основном за счет выборки кратковременных билетов. Самое большое увеличение выдачи этого вида документов наблюдалось в Нерехтском уезде. Если в 1868 г. здесь на 100 мужчин выдавалось 17,0 билетов, то в 1880 г. уже 43,6 билета, т.е. в два с половиной раза больше. Значительный рост числа документов, дающих право на непродолжительный отход в «фабричных» уездах, свидетельствовал о том, что уже в начале пореформенного периода фабрики стали интенсивно притягивать к себе население рядом расположенных сел и деревень. Причем, в это время для многих работавших труд на предприятии еще не был круглогодичным и сочетался с ведением собственного крестьянского хозяйства. В северо-западных уездах Костромской губернии, районе так называемого «столичного» отхода, за рассматриваемый период не произошло существенных изменений ни в количестве выдаваемых документов, ни в их соотношении. Отхожими промыслами в этом районе уже в 60-х XIX столетия за-

нималось от $\frac{1}{4}$ (Солигаличский уезд) до $\frac{1}{3}$ (Чухломской уезд) всего мужского населения. Показатель этот не увеличился и к 1880 г.⁸³ Деревня уже в начале пореформенного периода отдавала практически все мужские рабочие руки и резервной рабочей силы в ней не было. Отход в этих уездах был развит настолько, что летом во многих деревнях оставались «только очень старые и очень малые»⁸⁴. С 13 – 14 лет крестьянских мальчиков отправляли в столицы на несколько лет для обучения торговому делу или какому-либо ремеслу. Выходцы из Чухломского и Солигаличского уездов в основном занимались различными видами торговли и строительными работами. Весной, перед началом строительных работ в Петербурге и Москве, из этих мест уходило на заработки большое количество столяров, плотников, маляров.

В Кологривском уезде, относившемся к так называемым «лесным» уездам, крестьяне тоже занимались плотницкими работами на стороне, но уходили они не в столицы, а в ближайшую округу. Отход длился с марта до сенокоса и с 15 августа до конца ноября, в связи с чем крестьяне брали не годовые, а полугодовые паспорта или кратковременные билеты. Так же поступали портные, валенщики, коновалы, шерстобиты, работавшие в различных городах и селах Поволжья в период с октября до Пасхи⁸⁵. Не было необходимости в годовых паспортах и у заготовщиков и сплавщиков леса, чья работа была достаточно краткосрочна. Этим занятием было охвачено значительное количество крестьян на северо-востоке Костромской губернии.

Итак, степень отрыва отходника от крестьянского хозяйства во многом зависела от места, куда уходил крестьянин, и периода времени, на который он покидал деревню. Промысловый сезон в свою очередь зависел от вида занятий отходника. Изучение промысловой деятельности крестьян Костромской губернии показало, что в пореформенный период тут сложились три группы отходников. Первая группа – это крестьяне, занимавшиеся торгов-

⁸³ См.: Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866-83 гг. Кострома, 1887. С. 26–27.

⁸⁴ Жбанков Д.Н. Указ. соч. С. 28.

⁸⁵ Жбанков Д.Н. Указ. соч. С. 28–29.

лей и строительными работами главным образом в Петербурге. Особенно много таких отходников было на северо-западе губернии. Уходившие в столицы крестьяне из Чухломского и Солигаличского уездов в большинстве своем не участвовали в сельскохозяйственных работах на родине по причине «продолжительных отлучек» или совпадения рабочего сезона в городе и на селе.

Вторую группу отходников составляли крестьяне, работавшие на фабриках. Наиболее широко этот вид отхода был распространен среди крестьян юго-западных уездов (Нерехтского, Юрьевецкого, Костромского и Кинешемского). В 80-х гг. XIX в. среди фабричных рабочих было еще широко развито сочетание работы на предприятии и участие в ведении крестьянского хозяйства.

Третью группу отходников составляла многочисленная армия крестьян, занимавшихся заготовкой и сплавом леса, плотники, шерстобиты, портные, мелкие торговцы и т.д., которые работали в ближайшей округе и возвращались в деревню на время основных полевых работ. В период пика сельскохозяйственного сезона они активно участвовали в хозяйственной жизни семьи. Данная группа отходников была особенно широко представлена в северо-восточной части губернии.

Указанное положение дел в крестьянском хозяйстве хорошо иллюстрируют данные подворных переписей по трем уездам Костромской губернии, относившимся к районам с преобладанием разных видов промысловой деятельности крестьян, представленные в табл. 2.

Самый высокий процент промышленников, лично участвующих в своем сельском хозяйстве, наблюдался в Кологривском уезде, входившем в так называемый «лесной» район. Значительно реже принимали участие в полевых работах крестьяне «фабричных» уездов, к которым относился Костромской уезд. Еще реже участвовали в сельскохозяйственных работах крестьяне на северо-западе губернии в районе столичного, в основном строительного отхода. Большое расстояние от Петербурга до дома и совпадение рабочего периода в городе и деревне делали невозможным или невыгодным сочетание земледельческого труда с промыслами.

Таблица 2

**Участие крестьян, занимающихся промыслами
в сельскохозяйственных работах своего двора
на рубеже XIX – XX вв.***

Уезды	Численность крестьян, занятых в промыслах**	Численность промышленников, лично участвующих в своем сельском хозяйстве	В %
Кологривский	30361	19927	65,6
Костромской	35300	16207	45,9
Солигаличский	17572	6249	35,6

* Источник: Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома, 1927. С.20.

** В число крестьян промышленников вошли лица, занятые как отходчиками, так и местными промыслами. Ввиду того, что в сельской кустарной промышленности было занято незначительное количество крестьян, можно считать, что эти данные отражают положение дел в хозяйствах крестьян отходников.

Ситуация, когда крестьянину было невыгодно отрываться от выполнения подряда на стороне в период основных полевых работ, была довольно распространена среди столичных строителей и из других губерний Верхнего Поволжья. Так, владимирские каменщики обычно нанимались на работу в Москве на полгода: с 1-6 мая до 22 октября. Работа каменщиков считалась одной из наиболее высокооплачиваемых. К примеру, «до половины каменщиков, наиболее опытных, так называемые первые руки (работают облицовку стен) получали в лето 1899 г. по 6 руб. 40 коп. в неделю; вторые руки (кладущие кирпич внутри зданий) – по 6 руб., и наконец третьи руки (работающие фундамент, на чердаках, большею частью новички) – 4 руб.– 4 руб. 40 коп.». За сезон каменщик первой руки получал до 160 руб., второй – до 145 руб., третьей – до 110 руб. При этом рабочие питались за счет хозяина. Расходы строителей состояли в оплате проезда до Москвы и обратно (около 10 руб.), покупке спецодежды (25 руб.); тратах на чай, водку, баню и пр. (около 10 руб.). Выходило, что «чистыми» деньгами каменщик первой руки приносил в деревню 110 –

115 руб.; второй – 100 – 110 руб.⁸⁶. При таких заработках отходнику не было никакого расчета прерывать занятия на стройке для выполнения полевых работ. Выгоднее было нанять вместо себя работника, так как полная обработка душевого надела стоила 15 – 20 рублей⁸⁷.

Каменщики, как и многие из строителей, чей промысел не был круглогодичным и семьи которых постоянно проживали в деревне, крепко держались за землю. Отходники, у которых не оставалось в доме мужчин, как правило, нанимали на все полевые работы так называемого управщика – мужика с лошадей. Женщины в таких хозяйствах только помогали сеять, жали и молотили⁸⁸. В связи с этим необходимости содержать в хозяйствах с управщиком своих лошадей не было. По этой причине среди дворов каменщиков было большое количество безлошадных. Так, в 1899 г. в Суздальском уезде Владимирской губернии 51,6% дворов каменщиков не имели лошадей, в то время как среди строителей, возвращавшихся на лето домой, доля безлошадных дворов была значительно ниже: у плотников – 26,1%, у пильщиков – 15,3%⁸⁹. Необходимо отметить, что хозяйств без посева у каменщиков было немного, всего 3,1%, тогда как среди хозяйств фабричных рабочих таких дворов было 14,5%⁹⁰.

Отсутствие во дворах многих каменщиков лошадей сопровождалось и недостаточным количеством коров. В хозяйствах почти всегда была только одна корова. Дворов с двумя и более коровами у них было меньше, чем у отходников других специальностей (исключая пастухов и кирпичников). Всего 11,1% дворов суздальских каменщиков имели более одной коровы. В фабричных же дворах доля таких хозяйств составляла 27,5%, у портных – 35,9%, у

⁸⁶ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир-на-Клязьме, 1902. С. 21.

⁸⁷ Там же. С. 23.

⁸⁸ Там же. С. 24.

⁸⁹ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир-на-Клязьме, 1902.

⁹⁰ Там же. С. 23.

пильщиков – 38,4%. При таком упадке скотоводства в хозяйствах каменщиков из-за недостатка навоза земля сильно истощалась. Но крестьяне на это не обращали особого внимания. Интерес ведения сельского хозяйства у них отходил на второй план. Зимой в свободное от работы на стройке время многие из крестьян занимались изготовлением рогожных кульков, портняжничеством и пр.⁹¹ Это также приносило доход, хотя и небольшой. При круглогодичной занятости домохозяин-каменщик «сам четверть-пять с женой и детьми», не имея даже совсем ни земли, ни скота, мог нормально жить на деньги, заработанные вне сельского хозяйства. Работники владимирского земства, исследовавшие влияние различных промыслов на село, пришли к выводу, что промысел каменщиков, поднимая общее благосостояния крестьянского двора, разрушал земледелие в деревне⁹². Мнение о том, что дальний строительный отход препятствовал развитию сельского хозяйства, разделяли и сотрудники ярославского земства. Так, согласно исследованиям земских статистиков, в 1901 г. свыше 90% кровельщиков, землекопов и штукатуров не возвращалось на сельскохозяйственные работы. «При таком почти полном отсутствии мужчин – отмечал земский служащий – все земледельческое хозяйство ведется главным образом одними женщинами с помощью работников, работниц и батраков, труд которых по тщательности конечно не может заменить хозяйского»⁹³.

Негативное влияние на сельское хозяйство оказывали не только столичный строительный отход, но и ряд других отхожих промыслов, в том числе занятие торговлей. Как уже сообщалось, этот вид промыслов получил наибольшее распространение в Ярославской губернии, где в начале XX в. им была занята 1/3 отходников мужчин. Главным направлением ярославских отходников был Петербург. Спецификой торгового отхода было то, что в нем крестьянин был занят в основном не сезонно, а круглый год и занимающиеся им крестьяне покидали родные места на длитель-

⁹¹ Там же. С. 22.

⁹² Там же. С. 24.

⁹³ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896 – 1902 гг.) Ярославль, 1907. С. 55.

ный срок. Подавляющее большинство – 96,1% – торговцев брало годовые паспорта⁹⁴. При этом следует учитывать, что срок действия паспорта можно было продлить, не возвращаясь в деревню. В связи с этим многие торговцы приезжали на побывку в родную деревню не каждый год. Отпуск чаще всего приходился на летнее время «во время сравнительного затишья для большинства отраслей торговли», когда значительная часть жителей столицы выезжала за город на дачи. Продолжительность отпуска составляла от 1 до 4 месяцев, иногда и больше. Длительность пребывания крестьянина в деревне зависела от многих обстоятельств: воли хозяина торгового заведения, наличия у него подменных работников и т.п. Иногда приходилось считаться и с потребностями крестьянского хозяйства. Если в семье отходника не было недостатка в рабочих руках, то побывка могла быть непродолжительной и наоборот – летние полевые работы при ограниченных силах семьи и невозможности нанять работника или работницу нередко задерживали отходника дома. Величина промыслового заработка также влияла на продолжительность побывки. В связи с этим среди крестьян существовало представление: «в отпуске отходники живут на кошелек глядя, если кошелек захромал – пора ехать на промысел»⁹⁵.

В сельскохозяйственных работах во время отпуска принимали участие в основном молодые и менее обеспеченные торговцы. Пожилые отходники, особенно имевшие собственную торговлю или занимавшие хорошее место, дома только отдыхали, «дачники». Большинство торговцев, по замечанию земского корреспондента, от крестьянского труда «отвыкают и гнушаются, считая его за унижение своего достоинства»⁹⁶. К тому же торговцы, с юных лет проживавшие в городе, не обладали многими крестьянскими навыками: не умели пахать, выполнять другие сложные сельскохозяйственные работы. В связи с чем становились плохими помощниками в семье в страдную пору.

⁹⁴ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 591.

⁹⁵ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 15.

⁹⁶ Там же. С. 15–16.

Паспортная статистика располагает сведениями об отношении к сельскохозяйственным работам 42 178 ярославцев из 51 927 отходников мужчин, занимавшихся разными видами торговли. В табл. 3 приведены данные о степени вовлеченности крестьян торговцев в сельскохозяйственные работы своего двора.

Таблица 3

Вовлеченность крестьян-торговцев из Ярославской губернии в сельскохозяйственные работы своего двора в 1901 г.*

Отношение к с/х работам	Количество крестьян	В процентах
Возвращаются на все работы	4146	9,8
Возвращаются на часть работ	4152	9,9
Не возвращаются	33880	80,3

* Источник: Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896 – 1902 гг.) Ярославль, 1907. С. 586–591.

Сведения, содержащиеся в таблице, наглядно показывают, насколько сохранилась связь с землей у торговцев, и какое значение они придавали своей отхожей деятельности. На рубеже XIX – XX столетий только около 10% крестьян, занятых в торговле, принимали участие во всех сельскохозяйственных работах своего двора. Очевидно, что в этой группе находились лица, которым отход давал лишь возможность дополнительного заработка в свободное время. Земля еще приносила им достаточный доход или наоборот, промысловый заработок был не настолько велик, чтобы стоило отдавать решительное предпочтение промыслу. В следующую группу, составлявшую также около 10% отходников, входили крестьяне, стоявшие как бы на перепутье: не отдававшие всецело промыслу и не отрывавшиеся полностью от земли. Участие этой группы в земледельческих работах носило половинчатый, более или менее случайный характер; промысловая деятельность явно начинала брать перевес. В общем, только 1/5 отходников еще лично участвовали в сельскохозяйственных работах. Самая же крупная группа отходников, в которую входили 80% торговцев, была для сельского хозяйства уже отрезанным

ломтем. Промысловый заработок для крестьян этой группы стал основным источником дохода. Земледелие рассматривалось ими как второстепенное занятие, которое не бросается только потому, что дороговизна городской жизни не позволяла торговцу перебраться в город со всей семьей.

В пореформенный период вместе с развитием крупной промышленности увеличивался и отход крестьян на фабрики и заводы. Предприятия, ранее сокращавшие свою работу в летний период, в конце XIX – начале XX в. отказываются от такой практики. Отход на фабрики для многих крестьян становится круглогодичным занятием. Один из корреспондентов Владимирского земства писал по этому поводу: «фабричный колокол не знает времени года и звонит с педантичной точностью, призывая крестьян, бросивших соху, к бездушной машине, а если кто уйдет с фабрики на летние работы; того на зиму уже не берут»⁹⁷. По данным земской статистики, продолжительность рабочего года у фабричных рабочих Нерехтского уезда Костромской губернии составляла 11,3 месяца у мужчин и 11,8 месяца у женщин⁹⁸.

В связи с тем, что к концу пореформенного периода многие крестьяне были заняты на предприятиях круглый год, численность фабричных рабочих, принимавших участие в полевых работах, резко сокращается. В 1901 г. среди ярославских крестьян-отходников, трудившихся на фабриках, возвращались на все сельскохозяйственные работы 11,5%, на часть – 12,7%. Абсолютное же большинство фабричных рабочих (75,8%) не принимали участие в труде, связанном непосредственно с ведением крестьянского хозяйства⁹⁹. Отходники понимали, что на фабрике можно заработать намного больше, чем в сельском хозяйстве.

В 1901 г. средний заработок фабрично-заводских рабочих во Владимирской губернии равнялся 165 руб. 65 коп., в Костром-

⁹⁷ Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 14.

⁹⁸ Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. Вып. 1. Кострома, 1901. С. 47.

⁹⁹ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 584–585.

ской – 139 руб. 71 коп.¹⁰⁰. Сельское хозяйство такого дохода в регионе не приносило.

В работе А. Смирнова приводятся интересные данные, указывающие на зависимость состояния крестьянского хозяйства от размера заработка рабочего на фабрике. Сведения получены путем обработки данных о 5,5 тыс. рабочих 3 предприятий Покровского уезда Владимирской губернии. Обследование было проведено по инициативе губернского земства в 1900 г. Рабочие были разделены по величине заработка на три равные по численности группы.

Таблица 4

Состояние крестьянского хозяйства у различных групп фабричных рабочих в Покровском уезде Владимирской губернии*

Группа рабочих по величине заработка	% рабочих, бросивших лично земледелие	% рабочих, не уходящих на полевые работы	% хозяйств, где полеводство:		% хозяйств, где земля обрабатывается:		% безлошадных	% безкоровных	% без всякого скота
			ведется	вся земля сдается в аренду	только своей семьей	вся наймом			
Ниже среднего	68,2	82,7	62,8	35,2	36,7	5,1	70,5	48,3	47,7
Средний	72,9	83,1	62,9	35,9	42,7	10,6	68,5	47,9	46,8
Выше среднего	80,1	93,2	58,3	38,9	29,6	11,5	69,9	44,8	47,6

*Источник: Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. № 5. С. 166.

¹⁰⁰ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1977. С. 108–109.

Данные таблицы показывают, что отказ от земледелия в большей степени был свойственен для крестьян, получавших более высокую зарплату на фабрике. Они более предпочитали сдавать свой надел в аренду, чем возиться с землей даже с помощью членов своей семьи или наемных рабочих. Те из них, которые оставляли землю за собой, обзаводились скотом и, наверное, вообще инвентарем лучше, чем рабочие с меньшим заработком (процент безлошадных у тех и других почти одинаковый несмотря на то, что в группе с наивысшим заработком лиц, ведущих хозяйство, меньше; коров же у последних было больше и в абсолютном выражении)¹⁰¹. Высокий заработок предоставлял рабочему большую возможность отказаться от личного участия в ведении сельского хозяйства, реже уходить с фабрики на полевые работы, шире использовать при обработке земли наемный труд.

Итак, налицо неоднозначное влияние отхода на крестьянское хозяйство. В одном случае высокий заработок отходника отрицательно сказывался на земледелии, в другом – способствовал укреплению крестьянского хозяйства, росту его благосостояния. Такое противоречие объясняется тем, что в одних случаях отходные промыслы отнимали всю рабочую силу двора, в других – только лишние рабочие руки.

Данное положение подтверждают сведения табл. 5, содержащие группировку тех же фабричных рабочих на основе численности крестьянского двора.

Из сведений, приведенных в таблице, следует, что чем больше крестьянская семья, представитель которой трудился на фабрике, тем теснее была связь крестьянина с землей. Выходцы из больших семей почти все имели наделы, среди них было гораздо меньше лиц, не имевших в деревне скота. Они чаще принимали участие в сельскохозяйственных работах. Земля в этих хозяйствах практически вся обрабатывалась, причем в основном силами членов собственной семьи. Случаи сдачи земли в аренду были довольно редки.

¹⁰¹ Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. № 5. С. 166.

Таблица 5

**Крестьянское хозяйство фабричных рабочих
Покровского уезда Владимирской губернии в 1900 г.***

Величина семьи	Доля хозяйств в %											
	Безнадельные	Безлошадные	Без коровные	Без всякого скота	Рабочие, бросившие лично земледелие	Рабочие, не уходящие на полевые работы	Семьи, где полевое хозяйство:			Семьи, где полевое хозяйство ведется:		
							ведется	земля пустует	вся земля сдается в аренду	только своей семьей	отчасти наймом	все наймом
До 5 чел.	40,9	93	80,5	79,7	79,7	94,7	32,7	2,3	64,9	23,2	63,0	13,8
5-6 чел.	22,6	77,7	45,5	47,5	75,1	82,8	62,0	2,9	35,1	32,8	56,6	10,6
7 и более чел.	8,8	39,3	14,1	14,6	66,8	81,6	90,1	0,6	9,3	56,1	40,8	3,1

*Источник: Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. № 5. С. 165.

Это означает, что когда основной состав крестьянского двора оставался в деревне, а в отход уходили члены семьи, которые должны были приносить дополнительный доход, крестьянское хозяйство, благодаря отходу, укреплялось и развивалось. В том же случае, когда единственный взрослый мужчина в семье покидал село и пребывал на заработках в период сельскохозяйственной страды, крестьянское хозяйство разрушалось или, в лучшем случае, пребывало в стагнации.

Усиливавшийся в пореформенный период фабричный отход сильно беспокоил земских корреспондентов. В начале XX в. Костромское земство получало сообщения следующего содержания: «Деревня опустела: все поголовно, от малого до старого, ушли на фабрику» (Углецкая волость Кинешемского уезда); сельские жители «кидают крестьянство и уходят в Иваново-Вознесенск» (Со-

рохтская волость Нерехтского уезда); «со времени открытия в уезде большинства фабрик земледелие год от году все более и более упадает, *молодой народ совершенно отклоняется от земледелия*» (Есиплевская волость Кинешемского уезда)¹⁰². Низкая доходность сельского хозяйства по сравнению с заработками в отходе привела к тому, что в начале XX века большинство отходников уже не участвовало в сельскохозяйственных работах. Так, по данным паспортной статистики за 1901 г. в Ярославской губернии на сельскохозяйственные работы возвращалось 75,2% ушедших из деревни мужчин и 73,9% женщин¹⁰³. Причем среди отходников мужчин наиболее трудоспособного возраста (20 – 40 лет) доля лиц, не участвовавших в сельскохозяйственных работах, также составляла $\frac{3}{4}$. Согласно расчетам земского статистика К. Воробьева, по причине сильного развития отхожих промыслов в сельское хозяйство Ярославской губернии было вовлечено только около 40% всех мужчин рабочего возраста. В Угличском и Рыбинском уездах, где отход был наиболее распространен, доля мужского населения рабочего возраста, занятого в сельскохозяйственных работах, была еще меньше – около 25%.

Сходная ситуация складывалась и в других районах Верхнего Поволжья.

Сведения, содержащиеся в табл. 6, позволяют судить о степени оторванности от земледелия крестьян семи уездов Владимирской губернии.

Как показывает таблица, процент занятых исключительно земледелием в названных уездах колебался от 11,7 до 21,1. Следовательно, не более $\frac{1}{5}$ населения рабочего возраста были заняты только земледелием, а остальные $\frac{4}{5}$ были заняты меньшей частью земледелием и промыслами, а большей частью – только промыслами. Это свидетельствовало о том, что на значительной части Владимирской губернии земледелие стало подсобным занятием крестьян, а промыслы – главным. В земледельческом Суздальском уезде более половины рабочего населения было за-

¹⁰² Статистический ежегодник Костромской губернии. 1911 год. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы. Часть I. Текст. Кострома, С. 77.

¹⁰³ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 592–593; 626–627.

нято только промыслами и не участвовало ни в каких сельскохозяйственных работах. По отдельным волостям указанных уездов доля лиц, незанятых в земледелии, доходила до 90% и выше¹⁰⁴.

Таблица 6

***Участие сельского мужского населения рабочего возраста
Владимирской губернии в различных видах деятельности
в конце 90-х годов XIX в. ****

Уезды	На 100 работников занимаются**		
	Только земледелием	Земледелием и промыслами	Только промыслами
Владимирский	12,6	17,3	70,1
Вязниковский	12,7	57,7	29,6
Гороховецкий	19,6	40,2	40,2
Меленковский	21,1	35,9	43,0
Муромский	17,4	33,7	48,9
Судогодский	11,7	56,3	32,0
Суздальский	14,3	30,3	55,4

* Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 25.

** Данные таблицы содержат сведения только о наличных наделных дворах.

В связи с создавшимся положением дел во Владимирской деревне один из земских статистиков писал: «Со словом крестьянин у нас связано представление о земледельце, в поте лица добывающем хлеб свой. Каково же удивление наблюдателя, когда он в целых округах не увидит ни одного лица мужского пола, умеющего взяться за соху, даже просто запрячь в телегу лошадь. Что ни мужик, то или плотник, или каменщик, или фабричный, приходящий домой только отдохнуть и имеющий самое смутное понятие о своей земле, которую обрабатывают женщины, к которым и отсылают статистика. Только 16,2% мужчин в рабочем

¹⁰⁴ Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 26.

возрасте занимаются одним земледелием и более половины всех работников отрываются от земли. Да и из этих 16% занимающихся только земледелием целая половина в возрасте от 50 – 60 лет, т.е. лица, уже выброшенные за борт промысловой деятельности (Сызд. у.) Лучшие же соки деревни отвлекаются в город и на фабрику. Целых $\frac{3}{4}$ отхожих промышленников находятся во цвете сил и здоровья, в возрасте до 40 лет ... В 40 – 45 лет промышленник уже изнашивается и возвращается в деревню, чтобы ковырять ослабевшими руками истощенную, суглинистую почву»¹⁰⁵.

Относительно высокие заработки отходников способствовали повышению цен на рабочие руки сельскохозяйственных рабочих в местах отхода.

В связи с тем, что ярославские отходники, многие из которых занимались торговлей, отличались от других отходников региона более высокими заработками, цены на рабочие руки в губернии были выше, чем в соседних. В результате наделы местных отходников обрабатывали не только наемные рабочие – односельчане, но и приходившие на заработки крестьяне из Вологодской и Костромской губерний.

О роли отхожих промыслов в крестьянском бюджете Ярославской губернии свидетельствует тот факт, что на рубеже XIX – XX вв. отход давал деревне в два раза больше денег, чем сельское хозяйство (16 и 8 млн. руб.)¹⁰⁶.

Малая доходность сельского хозяйства по сравнению с отхожими промыслами приводила к тому, что в ряде мест трудно было за сданную в аренду землю получить хотя бы небольшой доход. Так, по сообщению уездного исправника, в Ериловской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии «арендная плата за землю – самая ничтожная и выражается в большинстве в одних «огородах» и «поденщинах», т.е. берущий на аренду землю обязуется огораживать ее наравне с другими и исправлять очереди, напр. ночной сторожки, хождения в поняты, исправления дорог и проч., все же денежные повинности остаются на ответст-

¹⁰⁵ Смирнов А. Земледелие и земледелец центральной, промышленной губернии // Русская мысль. 1901. Кн. 1. С. 174.

¹⁰⁶ Воробьев К. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк. Ярославль, 1903. С. 23–24.

венности хозяина”¹⁰⁷. Подобная практика сдачи наделной земли в аренду была распространенным явлением в Костромской и Владимирской губерниях¹⁰⁸.

В одном из местностей Покровского уезда недалеко от Орехово-Зуева душевой надел сдавался всякому желающему ни больше, ни меньше, как за крынку молока. Нередко в хозяйствах отходников часть или вся пашня запускалась из-за трудностей с поиском и каких-либо арендаторов¹⁰⁹.

Интересная ситуация вокруг наделной земли складывалась в одном из “фабричных” уездов Владимирской губернии – Ковровском. Отход на фабрики к концу XIX в. здесь увеличился настолько, что “пахарям” некоторых волостей стало не под силу обрабатывать всю наделную землю. Это вынудило “крестьян-пахарей *нарезать отсутствующим безнадельным односельчанам* землю и заставить их наравне с собою нести денежные и натуральные повинности”. Но так как охотников, желавших вернуться обратно в деревню было очень мало, то вновь нарезанные пахотные полосы сельское общество обычно отводило в каждом поле в дальнем углу и особым участком, мало пригодным для эксплуатации. Таким образом, община нашла своеобразный компромисс: “денежные повинности платят отсутствующие, а натуральную отбывают в большинстве случаев “пахари”, причем они безвозмездно пользуются покосом и лесом отхожего промышленника”¹¹⁰.

В то же время, благодаря отходу, происходил процесс не только отрыва крестьянина от земли, но и укрепления этой связи. Покупка помещичьей земли шла в основном за счет денег, полученных крестьянами в отходе. Большинство крестьян рассматривало уход от земледелия как временный период. Заработав в молодые годы деньги на стороне, они хотели в дальнейшем вернуться к сельской жизни. Земля была своеобразным “страховым

¹⁰⁷ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 557. Л. 4.

¹⁰⁸ Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1891. С. 21; Александров Л. Я. Указ. соч. С. 24.

¹⁰⁹ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 249. Л. 2-3; Оп. 4. Д. 672. Л. 1-2.

¹¹⁰ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VII. Вып. III. Владимир-на-Клязьме, 1901, С. 10.

полисом” для крестьянина, который мог быть использован в случае различных неудач вне родного села.

Так, даже относительно обеспеченные отходники: мелкие подрядчики, десятники, для которых сельское хозяйство являлось убытком, не отказывались от наделов и поддерживали деревенское хозяйство только потому, «чтобы под старость не придти к разоренному гнезду»¹¹¹.

Доказательством того, что крестьяне рассматривали землю как некую гарантию своего будущего, служат и факты покупки земель семьями, в полном составе находившимися в отходе. Так, в Угличском уезде Ярославской губернии земские статистики отмечали, что “не только надельные отсутствующие хозяева, но и безнадельные продолжают цепко держаться за землю, являясь приобретателями купчих земель”¹¹².

Распространение отхожих промыслов осложнило ведение помещичьего хозяйства. Владельцам имений трудно было найти рабочие руки для выполнения сельскохозяйственных работ. В регионе шло сокращение площади посевов. В 1909 – 1913 гг. посевная площадь составляла к площади посевов 1881 г. во Владимирской губернии 86,2%, в Костромской – 90,9%, Ярославской – 86,1%¹¹³. В основном сокращение посевных площадей происходило за счет помещичьего хозяйства. В крестьянских хозяйствах площадь посевов уменьшалась более медленно¹¹⁴. Но этот процесс происходил. Он шел несмотря на общий рост сельского населения Верхнего Поволжья.

Показатели нехватки рабочих рук в помещичьих и, отчасти, крестьянских хозяйствах, притока рабочей силы извне, сокращения обрабатываемых земель заставляют по-новому взглянуть на проблему аграрного перенаселения в регионе.

Трудности ведения помещичьего хозяйства вызвали сильное сокращение помещичьего землевладения. Темпы распродажи

¹¹¹ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19... С. 56.

¹¹² Ярославская губерния. Т. II. Вып. II. Ярославль, 1908. С. 168–169.

¹¹³ Труды Госплана. Кн. V. Вып. 1. Сельское хозяйство Центрально-промышленной области. М., 1925. С. 51.

¹¹⁴ Александров Л.Я. Указ. соч. С. 9.

дворянских земель в регионе значительно превышали средние по стране. За 1877 – 1905 гг. дворянское землевладение сократилось в Костромской губернии в 2,06 раза, в Ярославской – в 1,97 раза, во Владимирской – 1,85 раза. В тот же период по Европейской России дворянское землевладение сократилось в 1,38 раза¹¹⁵.

Интересно отметить, что в Ярославской губернии, где отхожие промыслы приносили крестьянину наибольший доход, помещики вынуждены были более энергично переходить от отработочной системы ведения хозяйства к капиталистической, чем во Владимирской и особенно в Костромской губерниях¹¹⁶.

Развитие отхожих промыслов оказывало сильное влияние на все стороны жизни пореформенной деревни. В результате, как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве происходили сложные неоднозначные процессы. Отхожие промыслы положительно сказывались на сельском хозяйстве до тех пор, пока они играли вспомогательную роль и не поглощали основные силы крестьянского двора. Перенесение центра тяжести в крестьянском хозяйстве с земледелия на промысловую деятельность губительно отражалось на сельском хозяйстве, в значительной степени деформировало крестьянский уклад и превращало крестьянина-земледельца в человека, балансирующего между городом и деревней.

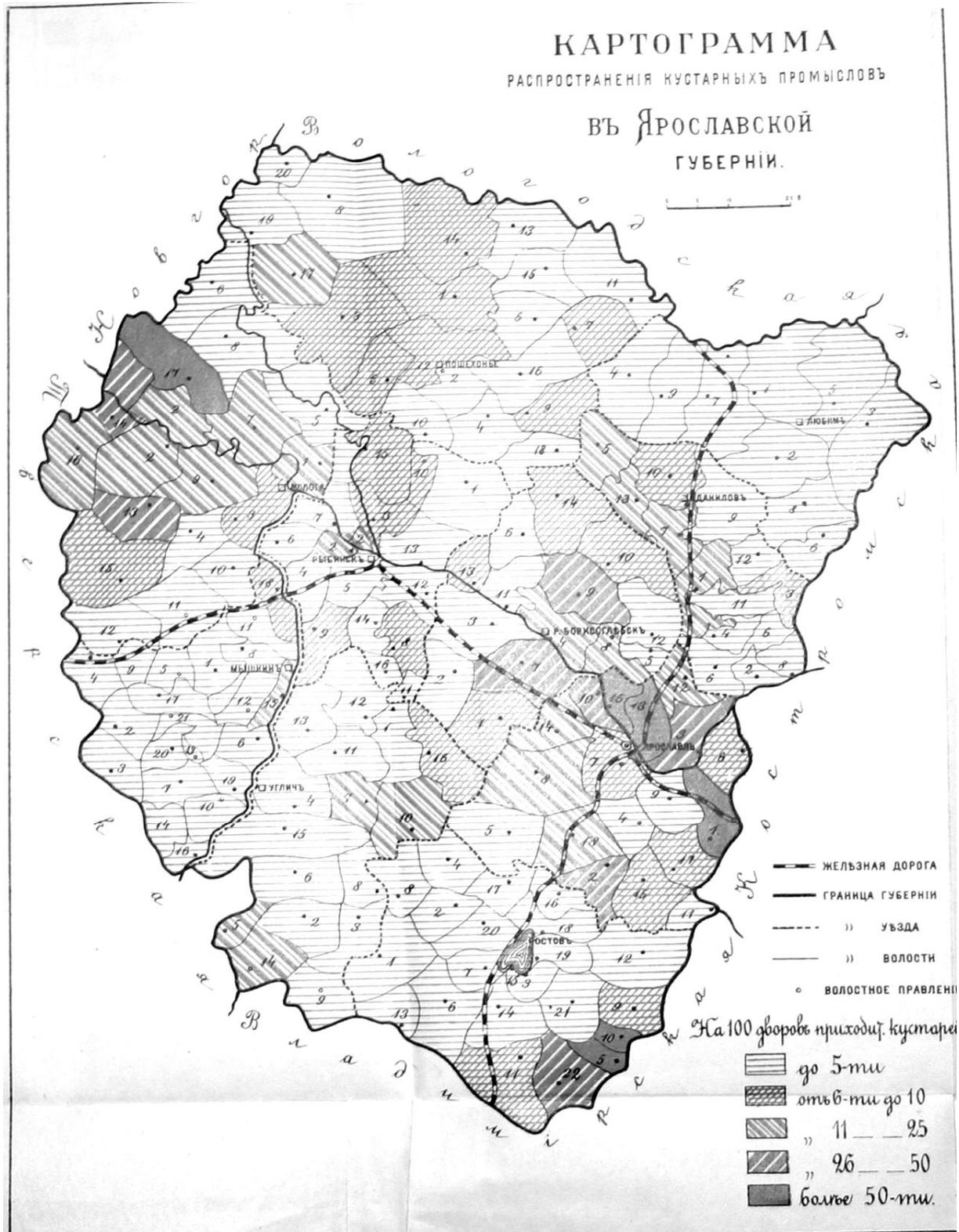
¹¹⁵ Проскурякова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения в Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1973. № 1. С. 61, 73.

¹¹⁶ См.: Александров Н. М. Уровень развития капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Верхнего Поволжья в пореформенный период // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003. С. 88–102.

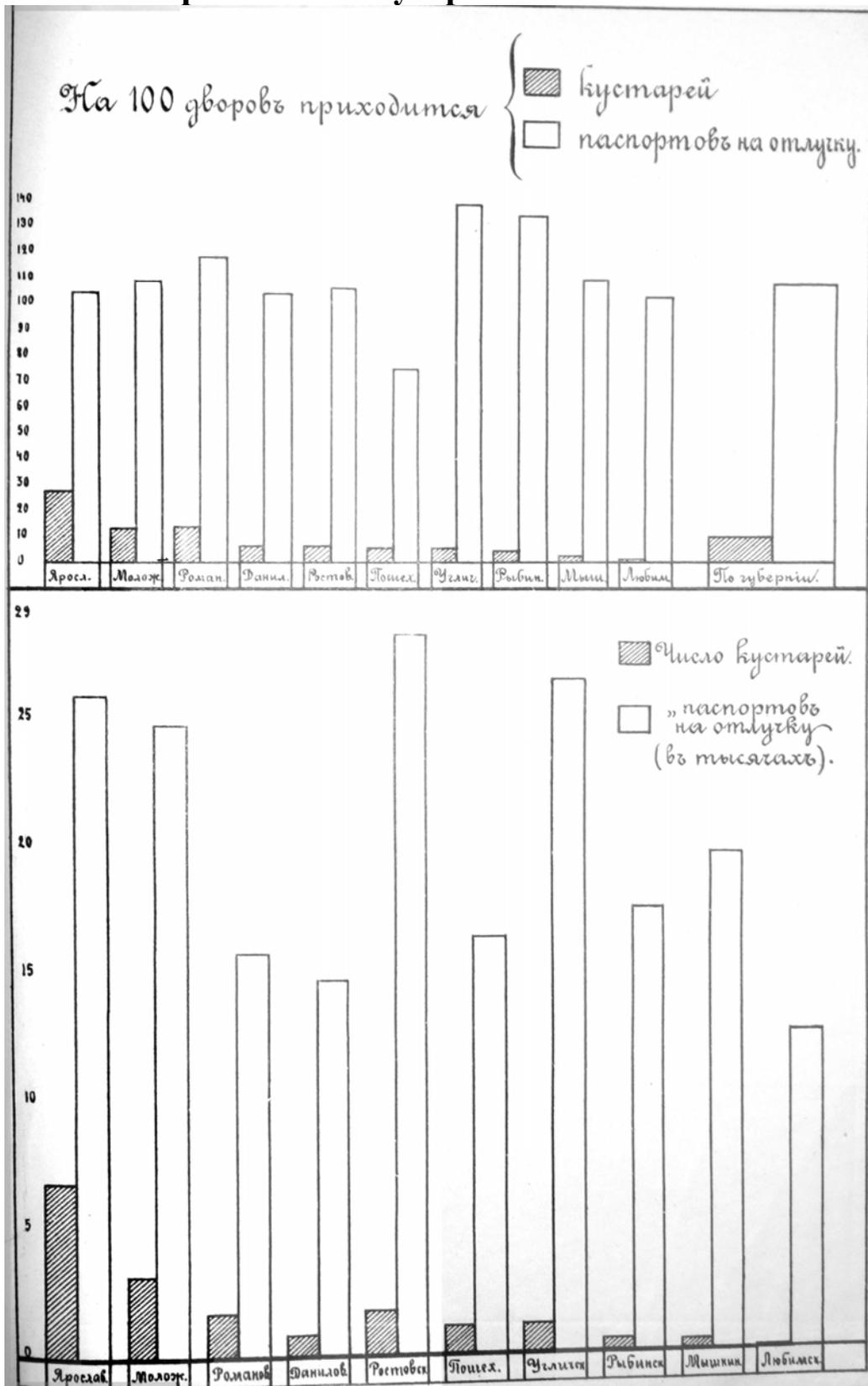
Приложения

Приложение 1

Картограмма распространения кустарных промыслов в Ярославской губернии

**Распространение местных и отхожих промыслов
в Ярославской губернии в начале XX в.**

Оглавление

Введение.....	3
Лекция 1. Уровень развития отхожих промыслов и основные причины крестьянского отхода.....	5
Лекция 2. Направления отхода. Виды отхожих промыслов.....	30
Лекция 3. Отход и сельское хозяйство.....	54
Приложения.....	74

Учебное издание

Александров Николай Михайлович

**Отхожие промыслы
крестьян Верхнего Поволжья
в конце XIX – начале XX века**

Текст лекций

Редактор, корректор И.В. Бунакова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 03.12.2007 г. Формат 60×84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 4,42. Уч.-изд. л. 3,73.
Тираж 50 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.
Отпечатано на ризографе.
Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.